SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- М. Л. Песковский
  -
  - Предисловие
  - Глава I. Раннее детство
  - Глава II. Школьные годы
  - Глава III. Лицей
  - Глава IV. В деревне и на земской службе
  - Глава V. На пользу всего государства
  - Глава VI. Учебно-литературная деятельность
  - Глава VII. Заслуги и черная неблагодарность
  - Глава VIII. Пребывание за границей
  - Глава IX. Последние годы деятельности
  - Глава X. Заключение
  - Источники

М. Л. Песковский
Барон Николай Корф. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк М. Л. Песковского

С портретом Н. Корфа, гравированным в Петербурге К. Адтом

Предисловие

«Народ в государстве – это *всё*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсеместное право гражданства, имеет особенное значение для нас, русских, так как в России трудовой сельский класс составляет более 85 процентов общего государственного населения. Думать же о народе, заботиться о его коренных, самых насущных пользах и нуждах, – это значит думать и заботиться прежде всего и главным образом об образовании народа, так как именно образование служит главным импульсом всяческого прогресса в жизни и основным источником экономического роста и благосостояния.

Для всякого государства и народа невежество массы населения – самый опаснейший его внутренний враг, опаснее всех внешних врагов, взятых вместе. От внешних врагов можно защищаться, укрываться. Невежество же, предоставленное естественному своему течению, остающееся без противодействия ему образованием, настойчивым просвещением массы населения, является силой, разлагающей народ, как бы он ни был многочислен и могуч физически. Именно под влиянием невежества обширнейшие многонаселенные древние государства, вроде, например, старинной Туркестанской империи, бесследно сошли с исторической арены, не оставив после себя в истории культуры человечества ровно ничего, кроме голого факта своего существования. Наоборот, маленькая Великобритания с населением около 36 миллионов человек (на европейской ее территории) в силу высокого культурного развития распространила свои владения буквально на все части света и материки, держит в своем подчинении не менее 400 миллионов населения, и в ее владениях в полном смысле слова никогда не заходит солнце, не прекращаются весна и лето, – так они обширны, распространены по разным географическим широтам и долготам в полушариях: западном и восточном, северном и южном.

С той поры, как зародилась у нас, в России, культура в европейском смысле слова, т. е. со времен Петра Великого, впервые появились более или менее определенная забота и дума о народном образовании. Начало, положенное этому великому делу при Петре I, получило некоторое развитие при Екатерине II, но исключительно, однако, в законодательном отношении. Насажденное у нас Екатериною II крепостное право отняло у всей системы государственного образования живое, естественное, благотворное воздействие его на жизнь и окончательно

парализовало всякое проявление сколько-нибудь правильного развития народного образования. Это последнее получило фактическое и юридическое право бытия лишь в царствование Александра II, после освобождения крестьян.

Таким образом, народное образование у нас – дело совсем юное. В смысле государственного установления, более или менее организованного, приведенного в систему и последовательно распространяемого, оно имеет у нас, в России, немного более четверти века. Мало-мальски благоустроенные народные школы, хоть отчасти удовлетворяющие педагогическим требованиям, начали возникать в провинциальных городах и деревнях одновременно с открытием земских учреждений и преимущественно, если не единственно, благодаря последним.

Успехи народного образования у нас выражаются, в общем, в следующих цифрах. Из десяти детей школьного возраста (от 7 до 14 лет) начальное образование в пределах европейской части России доступно лишь одному из них, значит, из 100 детей – десяти человекам. Такой ограниченный круг детей, которых могут обнять собою существующие народные школы, в сильной степени парализует благотворное воздействие образования на склад, ход и строй сельского быта. Ничтожная частица грамотного населения как бы тонет, растворяется в общей тьме народного невежества; мрак массы населения нередко заглушает даже и простую грамотность, так что бывают случаи *рецидива безграмотности* (возвращения грамотного к первоначальной безграмотности) в сельском населении.

Таков, к сожалению, закон «влияния массы», имеющий силу не в одной физической области, но и в сфере нравственной жизни. Именно в виду непреложности этого закона люди, искренно преданные делу народного образования, понимающие главенствующую роль его в государственной жизни и деятельности, при первом зарождении у нас регулярных народных школ усиленно настаивали и доказывали, что в этом деле нельзя останавливаться на полпути, нельзя затягивать на бесконечно долгое время дела, требующего немедленного практического осуществления. И усилия эти не пропадали даром. Худо ли, хорошо ли, но дело народного образования неуклонно подвигалось и подвигалось вперед при дружном сочувствии общества, хотя, правда, очень медленно. Был момент, когда не только в обществе, в педагогической и общей печати и в среде педагогов, но даже и в правительственных сферах вопрос о введении в России обязательного обучения получил было заметное движение. В исходе, например, 70-х годов министерство народного просвещения деятельно и серьезно занималось этим

вопросом. Но затем все затихло, и в последние десять лет замечается даже застой в деле народного образования.

К величайшему удивлению, в этой области, где, в сущности, все так просто и ясно вследствие действующего основного закона (устав 1874 года), почему-то смешались и перепутались воззрения на задачи и потребности народного образования самым противоестественным образом. Если разобраться в этой сутолоке и водовороте крайне разноречивых и совершенно произвольных мнений и взглядов, определяются следующие господствующие направления. По мнению одних, для всего сельского населения необходима лишь простая грамотность, но ни в каком случае не начальное образование. Другие, придерживаясь дикого взгляда: «просвещенье – вот чума», считают совсем ненужною даже и простую грамотность и под именем народного образования не прочь видеть простое, голое обучение трудового класса прикладным знаниям, наивно полагая в простоте неведения, будто бы осмысленная передача каких бы то ни было прикладных знаний может быть по силам совершенно безграмотному населению. Третьи до сих пор еще не могут примириться с мыслью, что земские и городские общественные учреждения, а также частные лица и общества могут заботиться о нуждах народного образования. На их, слишком уж упрощенный, взгляд, – «на то есть начальство, которое и заботится о нас». Обязанность же общественных учреждений и частных лиц, по их мнению, – только давать деньги на народное образование, без всякого активного участия в расходовании их. Наконец, есть и такие, которые позволяют себе открыто проповедовать неправоспособность будто бы даже и министерства просвещения в заведовании и руководстве народным образованием; будто бы для России, в противность всему остальному образованному миру, никаких особенных учительских семинарий, никаких специально подготовленных народных учителей вовсе даже не требуется…

Все эти измышления были бы только смешны и жалки по их нелепости, если бы они не вели к печальным последствиям на деле. Смешными же и жалкими они оказываются потому, что как основной закон о народных училищах, так и все последующие правительственные распоряжения в этой области, до издания правил о церковно-приходских училищах (в 1884 году) включительно, не дают никакого повода к извращенному толкованию узаконенного порядка вещей.

Но, повторяем, в сфере практической деятельности по народному образованию произошла большая путаница понятий, несмотря на простоту и ясность основного органического закона по этому предмету. В результате такой путаницы проявился

значительный застой в этой отрасли общественной деятельности, который особенно остро ощущается именно в настоящее время. Русский человек вообще не тверд в понимании закона и не устойчив на законной почве. Нет ничего удивительного поэтому, что, ввиду тех, долго уже продолжающихся, кривотолков о задачах и целях народного образования, – хотя и вопреки положительному закону о нем, – даже многие из земских и городских общественных учреждений, очень сочувственно и энергично относившиеся прежде к образованию народа, остановились в нерешительности или стали систематически урезать свои расходы на эту первейшую, насущнейшую жизненную потребность.

Такой прискорбный факт заслуживает тем большего внимания, что у нас успела уже народиться особого рода педагогическая литература, так сказать, *антипедагогического* свойства, имеющая дерзость подвергать гонению все, что есть разумного в нашем начальном обучении. Это вызывает естественное опасение, как бы нам не вступить в полосу *одичания в* деле народного образования, как бы не началось *огульного отрицания* в этой области всего рационального, что добыто усилиями человечества и насаждено на родной нашей ниве дружными усилиями самоотверженных русских деятелей. Истолкователем этих «отрицательных» веяний явился, между прочим, некто Н. Горбов в своих «Задачах русской народной школы». По его мнению, высказываемому тоном непререкаемого авторитета, но без всяких доказательств, главный недостаток существующего метода обучения и воспитания в народной школе заключается в усвоении нашими педагогами «протестантских взглядов», в силу которых протестант «хочет следовать только тому, в чем он убедился доводами рассудка». Принцип же воспитания в духе католицизма и православия, – как полагает г-н Горбов, – должен заключаться «в подчинении своего существа под власть авторитетов».

«Это различие, – говорит г-н Горбов, – *должно решающим образом влиять как на метод обучения, так и на дисциплину, и на все порядки школы… Смотреть на ребенка как на существо, которое надо развить и с которым надо обходиться согласно требованиям природы; отыскивать в нем закон развития, которому должно следовать; развивать его способности и силы, преследовать формальные цели обучения; ничего не позволять зубрить, т. е. учить без полной сознательности и понимания; убеждать ребенка в истине внутренними доводами… все это – протестантские принципы; все это – протестантский способ обучения».*

Следуя, таким образом, возвещаемому г-ном Горбовым «православному» методу воспитания и обучения, оказывается, что при изучении, например, четырех правил арифметики только протестант имеет право следовать «доводам рассудка»; православный же и католик должны принять все на веру, взять памятью, отупляющей зубристикой…

То, что г-н Горбов так самодовольно, с таким самомнением возвещает как нечто будто бы новое, есть в действительности общеизвестная, давно отвергнутая за непригодностью *старина.* Метод, провозглашаемый г-ном Горбовым, – это *иезуитский метод* воспитания и обучения, вовеки проклятый и отвергнутый во всем образованном мире!.. И г-н Горбов поступил по меньшей мере слишком опрометчиво, припутав тут «православие».

Вот что значит пытаться «доходить своим умом» до того, до чего другие давным-давно уже додумались. Силясь «открыть Америку», г-н Горбов сделал непростительную ошибку. Никакого специального «протестантского способа обучения», конечно, нет и быть не может. Для народов всевозможных национальностей и вероисповеданий обязателен один *индуктивный* метод обучения как единственно разумный, единственно пригодный для целей обучения и воспитания, естественно вытекающий из психологических особенностей детской натуры, и потому воспринятый во всем мало-мальски образованном мире без всякого различия по вероисповеданиям.

Велико же, однако, должно быть общественное помрачение, если оказывается возможным с таким апломбом печатно возвещать сумасбродное отрицание всего, что есть разумного в деле обучения и воспитания, и советовать возврат к тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда учение было мучением, когда учили, не воспитывая. Ввиду этого, естественно, является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы – на то, как она зарождалась, организовывалась и распространялась, так как во всем этом есть разумная законность, причинность и цель.

Говорить же об этом, – значит говорить о бароне Николае Александровиче Корфе как первом насадителе и распространителе у нас нормальной народной школы, в том именно виде ее, который впоследствии и узаконен правительством; как об одном из самых выдающихся деятелей в области именно народного образования. Сын обрусевшего остзейца, аристократ по происхождению и воспитанию, барин по привычкам и состоянию, располагая знатным родством и огромными связями, он, однако, не пошел открытою перед ним дорогою почестей, знатности, крупных отличий и чинов, громких

и видных должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсем новой в его время и вовсе не заметной роли организатора народной школы, или иначе – разумного первоначального обучения. На этом скромном, но очень важном в государственном отношении поприще деятельности барон Н. А. Корф еще при жизни стяжал громкую и почетную известность от края до края России и блестяще вписал свое имя на страницах истории нашего отечественного народного образования, составляющего основу всего просветительного дела в государстве.

Глава I. Раннее детство

Скитальческая жизнь. – Смерть матери. – Жизнь в доме мачехи. – Двухлетнее пребывание в Воронежской губернии и благотворное влияние его. – Годичное пребывание в Новгороде, в доме отца. – Нравственный образ Корфа-отца. – Круглое сиротство и общий итог ранней детской поры.

Очень неблагоприятно сложилось раннее детство барона Николая Александровича Корфа и протекло в высшей степени своеобразно. В самом нежном детском возрасте, от двух до десяти лет, он вынужден был вести поистине скитальческую жизнь, побывав в этот промежуток времени в Харькове, Екатеринославе, Москве, Воронежской губернии, Новгороде, Лифляндской губернии и Петербурге. Таким образом, он был лишен того, что называется *родиной* в строгом смысле слова. Это, однако, не отразилось вредно на его воспитании, на которое влияют не только семья и школа, но и вся житейская обстановка. Она же была милостива к маленькому барону, пощадив в нем душевную и телесную чистоту, внушив ему высокое патриотическое чувство и горячую любовь к русскому народу.

«Житейская обстановка», ввиду исключительных условий ранней детской поры барона Корфа, заслуживает особенного внимания. Разобраться в ней помогает сам барон Корф, оставивший «Посмертные записки», напечатанные в III, IV и V книжках «Русской старины» за 1884 год (под заглавием: «Из пережитого»), но доведенные, к сожалению, автором их лишь до окончания им курса в Александровском лицее.

Барон Николай Александрович Корф родился в Харькове 2 июля 1834 года. Отец его, Александр Федорович Корф, был из остзейских дворян, но совершенно обрусевший; он получил образование в Лицейском пансионе, бывшем в ту пору самостоятельным учебным заведением, и женился на малороссиянке, получив за нею в приданое поместье Нескучное Александровского уезда Екатеринославской губернии. Маленькому Коле едва исполнилось около года, как мать его умерла, так что у него не сохранилось никаких воспоминаний о материнских попечениях, о ласках матери. Менее чем через год после этого отец его вступил во второй брак, мотивируя такой шаг перед своими родными желанием, чтобы осиротевший Коля не был лишен материнского ухода. Случилось же, однако, совсем наоборот.

В своих «Записках» барон Н. А. Корф ничего не говорит непосредственно о мачехе; но все то, что рассказывает он о своем

раннем детстве, доказывает, что второй брак отца внес в дом большой разлад и маленький Коля был нелюбим мачехой. Помимо отца, очень его любившего и оставившего в нем светлую и признательную память, мальчик имел еще верного и преданного друга в лице няни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его грудным младенцем от матери и воспитывавшей до шестилетнею возраста. Эта уроженка города Риги была недюжинной личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-немецки, познакомила его с начатками христианской веры в форме бесед о Христе и с увлечением обучала русским песням. Вся дворовая прислуга в доме отца, которой также приходилось терпеть придирки от второй его жены, особенно бережно и любовно относилась к маленькому Коле как сиротке, рассказывая ему о его покойной матери. Тем не менее, положение ребенка из-за выходок мачехи было настолько ненормальным, что не исполнилось Коле и шести полных лет, как отец, скрепя сердце, вынужден был удалить его из дому для его же пользы.

Маленького Колю, успевшего уже пожить до этого времени в Екатеринославе и находившегося тогда в Москве, где жил его отец после вступления во второй брак, увезла с собою в Воронежскую губернию родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимофеевна (также Корф по мужу). Эта умная женщина, вдовая уже, имевшая двоих детей (сына и дочь), так серьезно относилась к их воспитанию, что ради этой цели переехала на житье из своего родового поместья Погромца в соседнее с ним поместье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отцу покойного профессора и публициста, где домашнее обучение было поставлено на широкую ногу и организовано с замечательной умелостью. В доме Градовского под личным его наблюдением и руководством была организована регулярная «семейная школа» с должным штатом преподавателей и строго установленной программой обучения. В этой школе, кроме двух детей Градовского, обучалось еще пятеро детей его соседей. Главою и душою школы был сам Градовский, относившийся к чужим детям совершенно так же, как к своим родным. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-х годов) серьезное, сознательное отношение к домашнему обучению было большой редкостью.

С восторгом вспоминает барон Корф в своих «Записках» о времени, проведенном им в Воронежской губернии, у тетушки Татьяны Тимофеевны Корф, и в Волчьем, т. е. в школе Д. Д. Градовского. Это – самая счастливая, яркая и радужная пора во всем его детстве. За время пребывания в этом уголке Малороссии, в которой находилось также и родовое его поместье Нескучное, он не только сжился, сроднился с Малороссией, но, можно даже

сказать, *прирос* душой к селу. Во всю последующую пору школьного его учения село вообще и Малороссия в частности были целью его стремлений, его мечтой. Куда ни забрасывала его капризная судьба в детском, отроческом и юношеском возрасте, – село неотступно было перед ним, и он постоянно лелеял мечту сделать что-нибудь полезное и разумное в родном своем имении.

Такую привязанность к сельской жизни породили те замечательно благоприятные условия, в которых он находился, живя и учась в поместье Градовского. Там не морили над книгою, не угнетали физической и духовной природы детей учением. В летнюю, например, пору, продолжающуюся на юге месяцев семь, дети проводили над книгой не более четырех часов, занимаясь остальное время на дворе, в саду, лесу, поле, на лугу. Такая постановка занятий, как нельзя более благоприятная в физическом отношении, воспитывала характер, развивала наблюдательность, самодеятельность и самостоятельность. В распоряжение детей были предоставлены всевозможные удовольствия: уженье рыбы, купанье, верховая езда, обработка собственных гряд и прочее. Кроме того, почти каждый из детей имел своих ручных кроликов, перепелов, жеребят.

К этому нужно прибавить еще роскошные условия окружающей природы, со степным привольем, садом, лесом, лугами и рекою. Не последнюю роль, конечно, играло и кормление на славу, как и подобало прежней «житнице России», до сих пор еще славящейся своей кукурузой, тыквенной кашей, варениками, варенцом и арбузами, такими сочными, что их можно есть не иначе как ложками. Маленький Коля именно у своей тетушки Т. Т. Корф и в семье Д. Д. Градовского получил главным образом закваску коренного русского домашнего воспитания, причем, конечно, не последнюю роль играли и богатая кутья накануне Рождества, и торжественная встреча Пасхи.

Отзываясь с большою похвалою о семейной школе Градовского, ее порядках и учителях, Н. А. Корф с особенной любовью и признательностью останавливается на личности швейцарца Бешра, талантливого педагога. Этот добрый, умный, живой и разносторонне сведущий руководитель был не только хорошим преподавателем французского языка, но и воодушевленным товарищем детских игр, разного рода занятий на свежем воздухе и затей. Нисколько не в ущерб престижу учителя и воспитателя, Бешра умел быть ребенком с детьми, не чуждался даже строить вместе с ними мельницы на ручьях, не упуская, однако, случая сообщать им при этом и разные полезные сведения, но умея не надоедать своими поучениями. Понятно, что

у такого преподавателя знание французского языка само собою переливалось в детей, и Коля, в придачу к русскому и немецкому языкам, овладел еще и французским.

Благоприятные условия воспитания в семье Градовского, особенно же грандиозные картины южнорусской природы, с ее величавостью и ширью, с ее табунами в 500 лошадей, оставили в душе ребенка неизгладимый след на всю жизнь. Эта пора жизни была особенно благоприятна для маленького Коли еще и в том отношении, что тетка, на попечении которой он находился, как сестра покойной его матери невольно воплощала в себе образ последней, – и ребенок не чувствовал своего сиротства.

К сожалению, только два года продолжался этот розовый период в жизни Коли, с шести до восьми лет. Совершенно неожиданно приехал отец и увез его с собою в Новгород, где он состоял тогда управляющим палатою государственных имуществ. Мальчик очень любил отца, сильно обрадовался его приезду, но, тем не менее, со слезами оставил школу Градовских. Жить ему в отцовском доме было тяжело. В его отсутствие умер верный и преданный друг его, няня Альберти, так что, кроме самого отца, в семье не было для него близкого человека. Своих сестер, т. е. дочерей отца от второго брака, он почти совершенно не знал. Его поселили в отдельном флигеле с немцем-гувернером. Этот последний сильно подвинул его вперед в немецком языке, так что девяти лет от роду Коля с восторгом прочитал Робинзона Крузо в немецком изложении.

Манкируя занятиями, вводя в обман Корфа-отца, гувернер-немец, однако, принес немалую пользу своему питомцу. Во время прогулок по городу он сумел заинтересовать мальчика историческими памятниками, познакомив со своеобразным и поучительным прошлым Новгорода и новгородцев, и внушил ему глубокое уважение к его древностям.

Вспоминая о своем годичном пребывании в Новгороде, барон Н. А. Корф очень симпатично очерчивает нравственный образ своего отца, наиболее памятный ему в это время. Это был человек образованный и независимый для своего времени. Не интересуясь высокими чинами, он избрал скромный род службы, чтобы приносить пользу на месте. И он действительно приносил ее. Даже спустя 15 лет после его смерти государственные крестьяне Новгородской губернии с благодарностью вспоминали о времени управления Корфа. Просителей-крестьян он принимал не иначе как в кабинете. Со своими крепостными обращался вполне гуманно. Даже в ту дикую пору крепостного разгула он не позволял себе обращаться со своей прислугой, бывшей из его же крепостных, в форме приказаний и сурово запрещал делать это

своему маленькому сыну. Под влиянием примера отца барон Н. А. Корф очень рано начал думать о том, как он будет относиться к крестьянам, когда настанет его время, и что он обязан сделать для них.

Пребывание в Новгороде было последним свиданием маленького Коли со своим отцом, с которым он в возрасте десяти лет вновь расстался – и уже навсегда. После этого он всего один раз видел отца, в Петербурге, но настолько разбитого параличом, что тот едва узнал своего сына.

Год жизни Коли в Новгороде, в доме отца, окончательно убедил последнего в невозможности дальнейшего пребывания мальчика под своим кровом, и он отправил его в Лифляндскую губернию, в город Верро, где очень славилось в то время учебное заведение Крюммера. Корф-отец умер в 1847 году. Таким образом, Н. А. Корф остался круглым сиротою тринадцати лет, проведя притом все свое детство, начиная с 6-летнего возраста, в скитальчестве по разным городам и весям России, но вынеся, однако, из этого целостное и сильное впечатление русского воспитания.

Глава II. Школьные годы

Учебное заведение Крюммера; его особенности и влияние. – Неожиданный переезд в Петербург. – Резкий переход в образовательно-воспитательном отношении. – Пансион А. Я. Филиппова и личность директора. – Влияние последнего на барона Н. А. Корфа.

Школьная пора барона Н. А. Корфа протекла при таких же резких переходах, как и раннее его детство. На десятом году жизни он очутился в истинно немецком учебном заведении Крюммера, где все преподавание велось на немецком языке, где разговорным языком был только немецкий, где весь склад жизни не только учебного заведения, но и города не имел в себе ничего русского, служил точною копией германского быта.

Как ни крут был такой перелом в жизни десятилетнего мальчика, но под влиянием неблагоприятных впечатлений, оставленных в нем временем, проведенным в Москве и Новгороде, его не тянуло в отцовский дом, в котором против воли отца он чувствовал излишние стеснения и гнет. Германизированный уголок с его привольем, ширью и отсутствием гнета более всего напоминал ему семейную школу Градовских (в Волчьем),– и мальчик быстро сжился с ним и полюбил его. Сам по себе Верро как незначительный городок, но очень благоустроенный, более походил на обширное село, чем на город, вполне благоприятствуя учащимся широко пользоваться всеми условиями сельского быта и летом, и зимой.

В ту пору в учебном заведении Крюммера находилось около ста воспитанников всех возрастов – от самого младшего, находившегося под женским присмотром, до так называемых «студентов» старшего класса, непосредственно переходивших в Дерптский университет, из которых каждый имел отдельную комнату и жил совершенно самостоятельно. Такая многочисленность и разношерстность состава заведения не помешала, однако, последнему удержать семейное начало. Барон Н. А. Корф удостоверяет в своих «Записках», что в учебном заведении Крюммера он «чувствовал себя в семье… Я чувствовал себя дома, под влиянием близких мне людей, и в классной комнате главного корпуса, и в обширнейшей зале его за обедом, и там же во время воскресной молитвы, совершавшейся самим директором, при полном сборе воспитанников, под звуки органа». Такой же «теплый, семейный характер» имели и акты, происходившие в этом учебном заведении, и гимнастические праздники в огромном манеже при нем, и катанье на коньках

через все озеро, примыкавшее к саду заведения, при участии учителей и дирекции. На всех этих празднествах и развлечениях присутствовали жена и дочери директора, знавшие по именам каждого из воспитанников всех возрастов.

Такая замечательная постановка дела в учебном заведении объясняется «прекрасным подбором преподавателей» и замечательной личностью директора Крюммера, которого барон Корф называет «едва ли не лучшим педагогом из всех, с которыми судьба сводила» его в детстве. Хорошо подготовленный дома по немецкому языку, Коля не только не отставал от других в прохождении учебного курса, но и настолько подвинулся вперед в знании и обладании немецким, что этот последний на всю жизнь остался как бы вторым родным его языком. Но, помимо успеха в науках, барон Корф обязан заведению Крюммера и кое-чем другим, что стоит даже выше знания. По личному признанию барона Корфа, в этом заведении «были заложены первые основы политического или гражданского» его развития.

Чувствуя себя в доброй, согласной, дружной семье, он вместе с тем по самому ходу и складу всей жизни заведения, во всех ее проявлениях, познавал и сознавал на каждом шагу, что существует общество, существуют права и обязанности, всеми уважаемые обычаи; что общество и отдельная личность вправе предъявлять друг другу взаимные требования.

«Все это,– говорит барон Корф, – *я познал в микроскопическом мире товарищей, который имел, однако, свою организацию, сходную с буршеншафтами германских университетов. Не только фискальство, но и неуважение к женщине, угнетение слабого, обман, измена данному слову беспощадно карались судом товарищей. Директор и инспектор, равно как и все учителя воспитывали в нас чувство ответственности доверием к нам и предоставлением нам возможно полной свободы, а не попечениями сыскной полиции».*

Эта разумная организация школьного общежития распространялась на весь режим учебного заведения, не исключая даже забав и игр, которые происходили при строгом соблюдении правил, установленных традициями заведения и свято охраняемых судом товарищей, имевшим право подвергать провинившегося даже исключению, признаваемому и начальством. Благодаря таким порядкам все формальное, показное было чуждо этому заведению, и жизнь его шла плавно, гармонично, без всяких отклонений. Какая бы то ни было, формалистика до такой степени была чужда духу этого заведения, что воспитанники его не имели даже понятия о том, что значит «ходить в парах». Появляясь на городских улицах не

иначе как гурьбою, они, тем не менее, не производили впечатления чего-нибудь неприличного, а имели вид веселой приличной молодой компании, привыкшей свободно держать себя не в ущерб достоинству.

К особенностям заведения Крюммера на германский пошиб необходимо добавить еще, что новая местность, люди и нравы опять-таки германского же характера сильно занимали маленького Корфа. При отсутствии хоть чего-либо похожего на гнет или насмешки с какой бы то ни было стороны в отношении исповедуемой им православной веры, пользуясь даже уроками русского языка, мальчик, однако, жадно всасывал в себя немецкий элемент и неизбежно онемечился бы до полного забвения всего русского, не исключая и природного своего языка, при условии продолжительного пребывания в Верро. Но ему суждено было провести там лишь два года (1844 и 1845 гг.), примерно до одиннадцатилетнего возраста. Неизвестно, по чьему почину (отец его был уже в это время безнадежно болен) он был переведен в Петербург, где ему суждено было получить коренное русское и православное воспитание.

В это время в Петербурге большою известностью пользовался пансион Александра Яковлевича Филиппова, существовавший более 30 лет и после него, под управлением членов той же семьи. В ту пору процветал уже столь распространенный в настоящее время промысел «обязательного приготовления» разными пансионами к определенному сроку, в известное учебное заведение, с ручательством в этом перед наивными родителями и со взиманием произвольно высокой платы, до 300 рублей в месяц и более. Но пансион А. Я. Филиппова резко отличался от этого типа «промысловых» учебных заведений, живущих, строго говоря, обманом и родителей, и учащихся, и тех учебных заведений, куда они готовят богатое и родовитое юношество. Это было в полном смысле образовательное и воспитательное учебное заведение, очень серьезно поставленное, гордое своим Достоинством и успехами, неподкупное. Воспитанники Филиппова традиционно поступали во всевозможные заведения одними из первых; тем не менее, он гнушался специализации «готовить» обязательно в те или иные учебные заведения. Пансион его имел определенную программу, хорошо примененную к общеобразовательным потребностям, а потому питомцы его и оказывались хорошо подготовленными в разные учебные заведения. На просьбы даже высокопоставленных особ относительно «приготовления» в то или другое заведение А. Я. Филиппов гордо отвечал, что «приготовляют только котлеты, а людей воспитывают и обучают». Никакие просьбы и убеждения не могли заставить его допустить в

свое заведение более 30 воспитанников, так как с большим количеством он считал невозможным вполне добросовестно вести дело с той замечательной серьезностью, с какою он относился к этому делу. Ни за кого из воспитанников он не брал более 300 рублей в год, т. е. только ту сумму, которую другие взимали лишь за один месяц учения.

Пансион Филиппова был также строго семейною школою, где сам директор, довольно многочисленная его семья и питомцы жили одною общею жизнью, дружно, согласно. Даже гостей своих Филиппов принимал не иначе как за общим столом с питомцами, не позволяя при этом ни себе, ни другим чего-либо лишнего против того, что он мог предложить и своим питомцам. Но характер этой семейной школы резко отличался от тех двух, в которых Корфу пришлось побывать, – в Волчьем и в Верро. В первой было истинно домашнее сельское приволье. Во второй царил дух германского студенчества, по преимуществу демократический, направленный к развитию личного достоинства и воспитанию чувства долга. В третьей семейственность сводилась к положению сына, обязанного беспрекословно исполнять волю отца, «без рассуждений». Положение это определяется «ежовыми рукавицами», право которых барон Корф старается объяснить тем, что тогда «веровали не только в возможность задержать работу мысли и бесповоротно направить ее отечески-драконовскою властию, но и в барабанный бой и шагистику».

По счастью, однако, А. Я. Филиппов был человеком недюжинным в педагогическом отношении и умело влиял на своих питомцев. Преподавание было поставлено так серьезно и основательно, что даже дети сознавали и чувствовали, насколько знание само в себе носит награду за труд. Путем настойчивых повторений знания вгонялись в плоть и кровь учащихся, так что даже дети придавали цену только отчетливому, сознательному, уверенному знанию как запасу на всю жизнь.

Филиппов был всецело предан своей школе. День и ночь проводил он со своими питомцами, давая себе отдых по вечерам лишь часа на два. Он принимал участие в детских играх и считался лучшим игроком в мяч, барры и пятнашку. Он начинал день чтением Евангелия воспитанникам; он же обыкновенно и заканчивал его чтением вслух чего-нибудь живого, интересного, – и был лучшим чтецом. Самым же тяжелым наказанием в школе считалось, если директор, прощаясь с воспитанниками при отходе их ко сну, молча кланялся кому-нибудь из них, не подавая при этом руки.

Барон Корф называет Филиппова «педагогом, любителем и

артистом своего дела, неусыпно работавшим по призванию». Исключительно личному влиянию этого высоконравственного и беззаветно преданного своему делу человека барон Корф обязан педагогической карьерой.

«В пансионе Филиппова, – говорит он, – *под влиянием уважения и привязанности к директору и того увлечения и уменья, с которыми он преподавал и воспитывал, я впервые полюбил школьное и учительское дело и стал считать педагогическую профессию самою благородною и важною из всех существующих. Еще в бытность в этом пансионе, одиннадцати и двенадцати лет от роду, я искал случая удовлетворить зародившемуся во мне благодаря таланту и увлечению Филиппова вкусу к преподаванию. Бывало, и хлебом меня не корми, а дозволь только товарищу объяснить что-нибудь из преподанного за уроком; тут сейчас разыграется, бывало, самодеятельность, и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковал учитель, а затем предлагать ему вопросы о пройденном и мечтаешь: „Эх, вот когда бы мне целый класс достался, так так бы!..“ Мои первые опыты преподавания, вероятно, удались, так как вскоре стала собираться вокруг меня целая кучка учеников для того, чтобы под моим руководством, доставлявшим мне же огромное наслаждение, готовить уроки; дожил я даже до такого блаженства, что директор, который и сам, быть может, не подозревал того, кто заронил в меня своею талантливою и самоотверженною деятельностью первую педагогическую искру, с этих пор уже никогда не угасавшую и разгоревшуюся в пламя при первой благоприятной обстановке, – сам поручал мне слабейших».*

Но есть и еще кое-что другое, чем обязан барон Корф этому скромному пансиону и его прекрасному директору-педагогу. В этом учебном заведении «господствовали заповеди Христа не на словах, а на деле», – как выражается барон Корф. А. Я. Филиппов по убеждению быть гернгутером, т. е. принадлежал к высоконравственной общине, стремящейся осуществить культ и образ жизни первоначальных христианских общин. Гернгутеры, как известно, стремятся к возможно большему осуществлению равенства на земле, но не разрушением и ценою крови, а проповедью любви. Нетрудно понять поэтому, как учил директор своих питомцев относиться к прислуге, бывшей у него членом его семьи, а также и вообще к меньшей братии.

Это воспитательное влияние встретило особенно благоприятную почву в юном бароне Корфе, который был уже достаточно подготовлен к глубокому, сознательному восприятию его и примером отца, и человечным отношением к крестьянам в Погромце и Волчьем, наконец, и демократической закваской

заведения Крюммера. В эту раннюю пору, примерно около 14-летнего возраста, у барона Н. А. Корфа созрели уже сознательное стремление и потребность «служения массе».

А. Я. Филиппов умер от холеры в 1848 году, во время свирепствовавшей в Петербурге страшной эпидемии. В конце того же года непосредственно из пансиона, перешедшего к брату покойного, барон Корф поступил в лицей. Конкуренция была большая. От поступающих требовались знания в объеме первых четырех классов гимназии, с добавлением притом французского, немецкого и английского языков. Но у Филиппова учили так прочно, что юный барон Корф «не только не тревожился перспективою наступления экзаменов, но в течение нескольких недель, ему предшествовавших, и книги не раскрывал»

Глава III. Лицей

Разница между лицеем и университетом. – Отрицательные и положительные стороны лицейского обучения. – Работа барона Н. А. Корфа над собственным образованием. – Первые литературные его опыты. – Педагогическая практика в лицее. – Успехи и поведение.

В противоположность весьма многим из бывших лицеистов, относящихся в своих печатных воспоминаниях очень неодобрительно к лицею, барон Корф прямо заявляет, что он «чувствует себя обязанным лицею своего времени» (1848—1854 годов) и признает его «весьма существенным фактором в числе сил, воспитавших» его. Он находит, что «закон вполне незаслуженно предоставляет лицеистам привилегированное служебное положение», но это не мешает ему относиться к лицею «без предубеждения». Делая сближение между лицеем и университетом в научном отношении, он, безусловно, отдает в своих «Записках» пальму первенства последнему; но он протестует против огульного обвинения лицея в «пустоте».

Лицей времен барона Корфа имел шестилетний срок обучения, при четырех курсах, с полуторагодичным промежутком в каждом курсе. На двух младших курсах (т. е. в течение трех первых лет обучения) была чисто школьная система преподавания, т. е. с задаванием и спрашиванием уроков. В течение же трех последних учебных лет (на двух старших курсах) читались лекции, но с обязательной проверкой (репетициями) по всем предметам прочитанного в течение предыдущего месяца.

Учебный курс лицея представлял удивительно пеструю смесь осколков программ историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов. Лицеистам преподавалось даже сельское хозяйство, причем в лицейском саду было отделено несколько квадратных саженей под «опытное поле», представлявшее, понятно, только карикатуру на «поле» и по размеру, и по результатам «опытов».

Эта необъятная многопредметность программы сама собою уже исключала возможность строго научного преподавания в университетском смысле слова. К этому нужно прибавить еще, что в составе преподавателей было немало людей, решительно не удовлетворявших своему назначению. Так, например, профессор Оболенский вместо государственного права читал русские государственные законы, ни одним словом не касаясь теории права, сравнительного законодательства и истории права. Читал он этот им самим состряпанный курс, не представлявший собою

ровно ничего научного, по устаревшим литографированным запискам, которые он знал наизусть и потому произносил, засыпая на кафедре. Профессор Георгиевский читал вместо словесности и истории литературы какую-то невозможную пиитику по им же самим составленной книге. По счастью, этого «пииту» вскоре заменил профессор Я. К. Грот, читавший очень содержательный курс истории русской словесности, вообще имевший наилучшее влияние на слушателей и гуманностью воззрений, и горячей любовью к своему предмету.

Ботаника преподавалась лицеистам на английском языке, а зоология – на французском. Преподавание немецкой словесности сильно хромало. Не без греха было также и преподавание истории. Читал этот предмет И. П. Шульгин, человек довольно известный в свое время, обладавший значительным запасом знаний, но сильно устаревших. Он начинал свой курс с весьма полного изложения данных из прекрасной книги Гизо «История цивилизации в Европе», вовсе не упоминая, однако, о последней. Но, вызвав у слушателей любовь и вкус к истории, он преподносил им потом совершенно нестройный исторический ворох событий и фактов, с таким произвольным распределением на периоды, которое совершенно извращало внутреннюю зависимость и связь между историческими событиями. Неудивительно поэтому, что «курс русской и всеобщей истории, – как удостоверяет барон Корф, – оставался без всякого влияния на политическое воспитание» слушателей.

> «Шульгину и лицею я обязан самим возбуждением аппетита (к истории), за удовлетворение которого усердно принялся после выпуска из лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года он не сделал нам ни одного указания на литературу истории и источники, и за то, что на время с 1789 года по 1815 год он только намекнул, и о всех событиях, последовавших за 1815 годом, не произнес ни одного слова».

К особенностям лицейского преподавания той поры нужно прибавить еще крайнюю щепетильность, с которою обходили все, что мало-мальски могло казаться щекотливым в политическом отношении. Этою именно предвзятою целью и объясняется, почему в изложении новой истории был совершенно затушеван период реформации, равно как и все другие характернейшие исторические события, совершенно преобразовавшие склад, строй и культурное состояние всей Европы. Характеризуя эту «щепетильность», барон Корф отмечает, между прочим, следующий факт. Отдавая справедливость профессору П. Д.

Калмыкову, читавшему историю русского *права,* за «воспитывающее значение» его курса, он, тем не менее, оговаривается, что даже этот «почтенный ученый» и «развитой человек», читавший в течение трех лет, старался растянуть свой курс, чтобы именно не добраться до более или менее «щекотливых» эпох ближайшего к нам времени. Барон Корф жалуется в своих «Записках» на этот пробел в образовании юношества, указывая на возможность «увлечений и ошибок» вследствие предоставления молодежи самой знакомиться, «случайно и без критики», с историческими событиями.

Указав на недостатки лицейского преподавания, необходимо отметить и хорошие его стороны. Считая невозможным сравнивать лицейское преподавание с действительно научною постановкою университетского преподавания по факультетам, тем не менее, нельзя не признать серьезного для того времени образовательного значения курса лицея в общей его программе и исполнении.

Характерен следующий рассказ Корфа о своей лицейской поре:

> «Поступив в лицей, я в первое время стал лениться не только читать, но и готовить уроки, и упросил нашего доктора принять меня на несколько дней в больницу; доктор Н. Л. Таваст никогда не был знаменитым врачом, но славился своею добротою и, как оказывается теперь, был педагогом в душе: принимая меня в больницу, он не видел во мне лентяя, которого он портит, поощряя его лень, но юношу пятнадцати лет, который себе немного оскомину набил ученьем и которому хотелось отдохнуть; допустив меня в больницу, он дал мне поскучать несколько дней от одиночества и праздности, а затем сказал мне: „Не дать ли вам какую-нибудь книгу почитать?“ Это предложение было принято мною с восторгом, и я не прочел, а проглотил с наслаждением комедии Мольера, присланные мне доктором. „Не пора ли в лицей?“ – сказал мне после этого Таваст. „Нет, дайте еще книгу“, – отвечал я ему. „Ну, извольте, но это уж будет последняя, не правда ли?“ „Даю слово“, – сказал я с достоинством истого питомца Крюммера. Проблаженствовав еще три дня над интересною книгою, я возвратился в класс навсегда выздоровевшим от нежелания читать и с этих пор книги уже не выпускал из рук, а учиться стал лучше, и настолько, что за последние три года пребывания моего в лицее непрерывно состоял

первым по успехам и никогда ни из одного предмета не получал менее полного балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находил время читать и усвоил себе при этом метод, который, вероятно, немало содействовал к тому, чтобы я мог надлежащим образом переваривать прочитанное: изучая в последние три года историю словесности русской, французской, немецкой и английской, я старался в чтении по возможности поспевать за курсами профессоров и читать авторов именно тогда, когда разбирали их на лекциях профессора».

Система репетиций заставляла серьезно и отчетливо работать. Это само собою наталкивало учащихся на чтение – и пробелы лекций успешно пополнялись путем серьезной самодеятельности.

«Читали в нашем курсе, – пишет барон Корф, – на русском и трех иностранных языках, но на английском лишь немногие, хотя всякий из нас и должен был в последнем курсе писать сочинения по-английски. Я решительно не помню, чтобы у нас читались романы; если и читались, то весьма редко, и я не прочел в лицее ни одного; но читалась масса классических произведений и научных книг». «Не только по литературам, но и из многих других наук старались мы отвечать так, чтобы видели, что человек *читает».*

За вычетом указанных выше недостатков, состав преподавателей был, в общем, хорош. Наиболее связно и стройно был поставлен юридический отдел курса, преимущественно с университетским составом преподавателей. Насколько лекторы французского и английского языков были смешны в роли натуралистов (как преподаватели зоологии и ботаники – по заказу и наряду), настолько, наоборот, они оказывались сведущими в роли преподавателей специальных своих предметов. Не ограничиваясь разбором изящных произведений лишь с эстетической точки зрения, они старались всякое литературное произведение связать с его временем и не чуждались истории научного и философского развития своего народа. Поистине можно сказать: «Гони природу в дверь – она влетит в окно». Те пробелы, которые и были в преподавании некоторых гуманитарных предметов, восполнялись до известной степени широкой и удачной постановкой преподавания французской и английской литератур.

В общем, барон Н. А. Корф прав, вспоминая свою лицейскую пору добрым словом, хотя ему пришлось учиться там в период

замены традиционного «колокольчика» барабанным боем и обязательной получасовой маршировки ежедневно под руководством унтер-офицеров и наблюдением инспектора лицея.

С малых лет приученный самостоятельно и ответственно работать, юноша Корф серьезно и с большею пользою трудился в лицее над своим самообразованием. На лицейской скамье он не только прочитал, но даже изучил в подлиннике «Дух законов» Монтескье, испещрив собственный экземпляр этой книги своими заметками. С восторгом была прочитана им также и «История цивилизации в Европе» Гизо. Увлекался и запрещенными в то время «Записками по всеобщей истории» профессора педагогического института Лоренца. В бытность на последнем курсе лицея у него были отобраны инспектором сочинения Фейербаха, но его отстоял профессор П. Д. Калмыков, доказавший, что книга эта «имеет ближайшее отношение к теории права и потому должна быть разрешена». Вообще, барон Корф много и серьезно читал по всем главнейшим предметам лицейского курса. У него рано образовалась страсть покупать книги на свои средства. Во все время пребывания в лицее он получал по пяти рублей в месяц на извозчиков и перчатки. Предпочитая ходить пешком и никогда не надевая перчаток, он все свои карманные деньги целиком обращал на книги, покупая последние, ради дешевизны, у букинистов. Под влиянием благотворной внутренней работы юноша скоро понял, что «наука – одна, что задача ее состоит в изучении человека и природы и что различные науки, по которым читаются лекции под разными названиями, не что иное как различные точки зрения все на того же человека и его деятельность и на природу». Целый переворот в душе юноши произвело это открытие, разом внеся осмысленность в учение, сделав его задачей и целью всей последующей жизни. Рано зародилась у барона Н. А. Корфа страсть к писательству. Еще будучи в лицее, он задумал переводить трагедию Корнеля с подлинника на немецкий язык, который, под влиянием только что прочитанных им гекзаметров «Мессиады» Клопштока, казался ему как бы специально предназначенным для «высокого стиля». В эту же пору он написал три повести, так и оставшиеся, к сожалению, в рукописях, «в качестве пожизненно заключенных, – иронизирует барон Корф в своих „Записках“, – просто по той причине, что от этой неволи никто ничего не потерял и не потеряет». Очень жаль, однако, что это «пожизненное заключение» продолжается даже и после смерти автора.

Вкус к литературным занятиям развился у Н. А. Корфа под влиянием даровитого дяди его, барона Федора Федоровича Корфа, умершего в молодом возрасте, известного в литературе по

его «Воспоминаниям о Персии», по остроумным фельетонам в «Русском инвалиде» и по комедиям, которые и до сих пор еще держатся на театральной сцене. Ф. Ф. Корф также подметил страсть к литературным занятиям у своего племянника. Однажды, считая племянника ушедшим, он сказал своей жене: «Вот единственный человек в нашей семье, который будет писать». Ввиду уважения к литературному дарованию дяди эта аттестация привела юношу в неописуемый восторг, тем более, что отдавая дань высокому идеализму той поры и личному увлечению, он смотрел на литературное дело как на священнодействие. Не представляя себе даже возможности существования литераторов, торгующих совестью и пером, литераторов-хамелеонов, литераторов-пресмыкающихся, литераторов-доносчиков, он смотрел через розовую юношескую призму на писательство как на самую высшую ступень педагогической деятельности, в смысле просвещения и руководства всей грамотной частью населения. Педагогов же, как мы уже знаем, он высоко ценил. Он сознавал, что за время своего раннего бесприютного детства решительно всем обязан им. Кроме того, изведав гнет лично на самом себе, он возмущался несправедливым отношением общества к лицам педагогической профессии, особенно же к гувернерам и гувернанткам как людям угнетенным. Таким образом, свои юношеские симпатии к педагогической деятельности барон Корф перенес и распространил на литературную деятельность, сблизив в своем представлении два эти поприща деятельности, несомненно имеющие между собою очень много общего.

В бытность свою в младшем отделении лицея, т. е. на 16-м году жизни, барону Корфу пришлось серьезно испытать свои преподавательские силы. В лицей поступил среди учебного года сын бывшего в то время нашим генеральным консулом в Триесте графа Кассини. Отлично подготовленный по всем предметам, он ни слова, однако, не знал по-русски. На вызов директором желающих преподавать ему русский язык отозвался только барон Корф, в годичный срок настолько подвинувший Кассини в русском языке, что тот владел им так же свободно и правильно, как и природным своим итальянским. Этот успех Корф приписывает «богатым дарованиям ученика»; но нужно же, конечно, отдать должное и «дарованию» юного учителя.

В старшем отделении лицея особенно трудным предметом считалась «теория уголовного права». Перед «репетициями» из среды товарищей находились желающие послушать объяснения барона Корфа по этому предмету, что доставляло ему невыразимое удовольствие. Не ускользнула от его внимания и ничтожная школка грамотности, существовавшая в лицее для

детей находившихся в нем служителей, помещавшаяся в лицейском предбаннике, в которой учил диакон, посвященный в сан из дьячков. Это была школа беспрерывного сечения, побоев, вопля и слез детей, – как характеризует ее барон Корф. Он посещал эту школу, но неизвестно, однако, какое именно участие принимал в ней. Вообще же, во все время пребывания его в лицее в нем был обострен интерес к педагогической деятельности. Как он сам говорит в «Записках», «начиная с пятнадцатилетнего возраста, не проводил ни одних каникул, не обучая какого-нибудь крестьянского мальчика».

Подводя общий итог влиянию лицея на барона Корфа, нельзя обойти молчанием следующей характерной подробности. «Единственным профессором, – говорит он в своих „Записках“, – косвенно, но сильно поддержавшим выработанную во мне раньше мечту о работе на благо крестьян, был профессор и известный в то время ученый Сахаров. Он читал нам, быть может, никому из нас не нужную палеографию, обучая нас разбирать и воспроизводить древние рукописи, написанные уставом, полууставом и скорописью; но важно то, что он был из первых собирателей народных сказок и преданий и, записав их, напечатал под именем „Сказания русского народа“. Некоторые из нас не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народного начала в нашей среде».

Серьезно работая, Корф прошел лицей одним из первых, получив, однако, серебряную медаль вместо золотой за «поведение». Вообще, и в пансионе Филиппова, и в лицее барон Корф никогда не был в категории так называемых «благонравных». Будучи от природы человеком кротким, он, тем не менее, часто подвергался обвинениям в «дерзости» – только за прямоту, за неуменье смолчать. Года же за два до выпуска из лицея он еще и курил в течение нескольких месяцев, да притом так неловко, что попадался и раза три сидел за курение в карцере.

Эта школьная дрессировка совершенно не соответствовала нравственному облику барона Корфа, бывшего в это время уже зрелым юношей, обращавшим на себя внимание преподавателей серьезным отношением к занятиям. Об этом можно судить, между прочим, по письму к нему академика Я. К. Грота, бывшего профессором его по лицею. В 1867 году, т. е. примерно через 13 лет уже после окончания лицея, академик Грот в деловом письме своем к барону Корфу между прочим говорит:

> «За вашею деятельностью я всегда следил, сколько мог, по газетам и разным статьям вашим, в которых,

кроме благородного образа мыслей и основательности познаний, обращает на себя внимание и прекрасное перо. Задатки этого видел я еще в лицейских ваших упражнениях и не забыл вашего сочинения об истории Карамзина».

Глава IV. В деревне и на земской службе

Девиз барона Н. А. Корфа и обстоятельства, при которых сложился его девиз. – Полтора года коронной службы. – Возвращение в деревню и женитьба. – Отношение к крестьянам. – Самообразовательная работа барона Н. А. Корфа и специализация в педагогическом отношении. – Барон Корф, наш земский деятель. – Школьное дело до и после введения земских учреждений. – Барон Корф как творец русской народной школы. – Роль народной школы в деле сближения разных сословий. – Учебно-воспитательное дело как социальное по преимуществу. – Привлечение к участию в школьном деле всех местных интеллигентных сил.

«Не быть ничем *ex officio* и чем-нибудь – *de facto*» – вот тот девиз, который установился у барона Николая Александровича Корфа еще на лицейской скамье и которому он остался верен во всю свою последующую жизнь. Замечательно, что этот строгий и высокий нравственный принцип сложился у юного барона при таких обстоятельствах, которые обыкновенно приводят к прямо обратному результату.

В числе петербургских родственников Корфа, принявших участие в его воспитании во время круглого сиротства, был и знаменитый в свое время барон Модест Андреевич Корф, впоследствии граф. В доме этого своего дяди юноша Корф часто бывал. Это был человек высокодаровитый, разносторонне развитый, гуманный и неподкупно честный. Деятельность его как директора публичной библиотеки, которой он был предан с увлечением, со страстью, в высшей степени обаятельно действовала на юношу Корфа, разжигая и усиливая в нем любовь к книгам, уважение к знанию, жажду к разносторонности образования. Не менее сильное и обаятельное впечатление производил на него дядя и своим дневником, который он с истинно немецкою аккуратностью вел за десятки лет, хранил в величайшем порядке и читал иногда в своей семье. «Независимо от интереса, возбуждавшегося самым содержанием, – говорит барон Н. А. Корф, – во мне это чтение поселяло какое-то неопределенное, но и непреодолимое желание послужить обществу и сделать что-нибудь для отечества». Наконец, юноша Корф симпатизировал своему сановитому и высокопоставленному дяде как бывшему лицеисту, окончившему курс в одно время с Пушкиным. Но блестящая служебная карьера дяди, его

сановитость и высокопоставленность производили на юношу-племянника, пожалуй, менее чем обаятельное влияние.

Отсылая интересующихся мотивами этого характерного явления к «Запискам» барона Корфа, заметим лишь, что именно те обстоятельства, которые побуждают других «делать карьеру» во что бы то ни стало, повернули барона Н. А. Корфа прямо в обратную сторону. Это свидетельствует о цельности и стойкости нравственной его личности в раннюю юношескую пору, об отсутствии разлада между словом и делом. Все это и вылилось в оригинальную формулу самого высокого и благородного честолюбия: «Не быть ничем *ex officio* и чем-нибудь – *de facto».*

Выпущенный из лицея в 1854 году, двадцати лет, т. е. в том возрасте, в котором очень немногие счастливцы в наше время едва-едва добиваются аттестата зрелости, барон Н. А. Корф как не имевший еще должного гражданского совершеннолетия, чтобы наследовать родовое свое поместье по матери, вынужден был, по настоянию родных, поступить на государственную службу, в департамент министерства юстиции. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до наступления полного совершеннолетия. Барон Н. А. Корф ясно сознавал, что родство и связи, успешное окончание лицея и первые же шаги по службе открывают ему блестящую карьеру до наивысших ступеней в служебной иерархии. Но душа жаждала иной деятельности, и живая, отзывчивая натура его решительно не мирилась с канцелярским делом. Поэтому, как только наступило время полновластного унаследования родового своего поместья Нескучного в Екатеринославской губернии, барон Н. А. Корф, вопреки настойчивым уговорам и советам своих богатых и влиятельных петербургских родственников, бросил службу и Петербург, уехал в свою деревню. Этот факт, по уверениям некоторых лиц, близких к барону Н. А. Корфу, послужил поводом почти к полному разрыву его с богатыми и влиятельными петербургскими родственниками, под покровительством которых он находился во время одиннадцатилетнего пребывания в Петербурге и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись в своем Нескучном, барон Н. А. Корф женился 22 лет от роду на дочери одного из соседних по имению помещиков, Марии Михайловне Клевцовой. Как он сам говорит в своих «Записках», женитьба «разлучила» его с самым близким ему человеком за все время пребывания в Петербурге, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлер, «служившей матерью в лучшем смысле слова». Но, как видно из его «Записок», он был вполне счастлив в супружестве.

Короче говоря, очутившись в положении самостоятельного, женатого екатеринославского помещика, он как бы «сжег корабли» своего привилегированного происхождения и воспитания, своего знатного родства и связей. Но это как бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить в своем Нескучном очень деятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и вовеки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись в своем поместье, барон Корф очутился в среде крестьян, обожавших память его матери, нянчивших и всячески баловавших его, когда он лишился матери. Даже в то время, когда он жил у тетки, в Воронежской губернии, нескученский приказчик, пешком пришедший из Екатеринославской губернии для свидания со своими родными, не поленился разыскать маленького Корфа, пришел проведать его и принес ему гостинец. Это свидание так тронуло мальчика, что он тогда же, семи лет от роду, сказал себе: «Эх, вот как вырасту я, тогда-то заживут крестьяне деревни Нескучной!» Ради этого-то, главным образом, барон Н. А. Корф и предпочел деревню столице, казавшейся ему узкою и тесною. Между ним и крестьянами установились самые добрые, сердечные отношения, которые были настолько прочны, что не только до освобождения от крепостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы всем обществом подносили ему хлеб-соль в виде поздравления ежегодно в день его именин, на Пасху и на Рождество.

Наслаждаясь радостями удачной семейной жизни, полной любви и взаимного уважения, деятельно занимаясь улучшением своего и крестьянского хозяйства, барон Корф не забросил и удовлетворения потребностей высшего духовного порядка – самообразования. В совершенстве владея французским, немецким и английским языками, он выписывал лучшие из журналов и газет как на русском, так и на трех названных иностранных языках, и приобретал наиболее выдающиеся сочинения, главным образом философского, политического и педагогического содержания. Таким образом, у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библиотека, достигшая со временем весьма значительных размеров. Приученный к усидчивости, аккуратности и методичности в занятиях, он много, серьезно и успешно работал над собственным самоусовершенствованием.

Появление детей обратило его внимание в сторону воспитания. Обе его дочери преимущественно ему обязаны своим образованием. Это, конечно, потребовало большой подготовительной работы с его стороны. Знакомясь с делом воспитания и обучения теоретически, он, тем не менее, выезжал и

за границу для непосредственного изучения школьного дела на родине Песталоцци.

В такой серьезной научной и разносторонней подготовительной деятельности прошло 10 лет. Благодаря этому крестьянская, а потом и земская реформы нашли в бароне Корфе не только горячего и энергичного общественного деятеля, но и человека, замечательно зрело и всесторонне подготовленного к служению на пользу общую.

Как землевладелец и член дворянской корпорации барон Н. А. Корф принимал деятельное участие в дворянских собраниях, работая, понятно, в культурном и прогрессивном направлении. Весьма ценное значение имело также участие барона Корфа как человека широко образованного и разносторонне развитого в подготовлении, проведении и практическом осуществлении на месте крестьянской реформы. Вот что, например, говорится об этой стороне деятельности Корфа в «Воспоминаниях» Гнедина, напечатанных в 5, 6 и 7-й книжках «Русского богатства» за 1893 год:

> «Незадолго до нашего очередного дворянского собрания в первое трехлетие освобождения я познакомился с молодым человеком, возвратившимся из заграничного путешествия, бароном Н. А. Корфом. Эта замечательно светлая личность высказывала полную симпатию всем моим посредническим действиям и изъявила готовность дать на собрании отпор всем могущим быть на меня нападкам. Дворянское собрание было замечательно бурное вследствие озлобления против положения и желания во что бы то ни стало вернуть старые порядки. Приверженцы старины замышляли жестоко пробрать некоторых мировых посредников и даже, если возможно, исключить их из сословия дворян. В числе лиц, предполагаемых к исключению, был и я. Разумеется, действия этих посредников должны были разбираться по уездам, начиная с первого. Обвинение началось против одного из посредников Екатеринославского уезда, очень деятельного и энергичного. Посредник бойко защищался. В качестве обвинителя выступил также и мой приятель, отставной артиллерийский полковник, арендовавший в моем участке имение. Он был яростный крепостник и требовал, между прочим, чтобы в адресе Государю, по случаю манифеста об освобождении крестьян, непременно была выражена просьба, чтобы суд

над крестьянином принадлежал помещику, с правом наказывать за все провинности. Против полковника выступил барон Корф. В блестящей речи он защищал посредников и между прочим указал на то, что дворянское собрание не имеет права судить их, так как их служебная деятельность соответствует духу положения, а порицать последний закон значило бы идти против высочайшей воли, ясно выраженной в манифесте об освобождении крестьян. Речь Корфа сильно повлияла на собрание, о посредниках бросили говорить, и адрес был составлен по редакции Корфа и, кажется, Савельева. Это дворянское собрание было предсмертной агонией существовавшего порядка: волей-неволей надо было осознать, что старые порядки рухнут и что следует ждать новых реформ и присматриваться к ним».

Но общественная деятельность барона Корфа характерно определилась лишь с введением земских учреждений. Само осуществление земских собраний и управ, введение судебной реформы и вся последующая организация земства происходили при непосредственном и очень деятельном его участии как гласного александровского уездного земства и екатеринославского губернского. На первых же порах земской деятельности мы видим барона Корфа в роли секретаря земских собраний, члена ревизионной комиссии, почетного мирового судьи, а затем и председателя мирового съезда. Достаточно заглянуть в земские журналы той поры, чтобы убедиться, что на каждом из этих постов общественного служения барон Корф был на высоте оказываемого ему доверия. В новом и обширном земском хозяйстве и «мировом» институте он проявил ясное понимание дела и глубокое знание как бытовой жизни, так и узаконений. Как это видно, например, из «Воспоминаний» покойного Гнедина, также бывшего земским гласным, с момента первых выборов земских гласных и во всю последующую земскую деятельность барон Корф был одним из главных руководителей и заправил во всем местном земском хозяйстве. На каждом из постов почетного общественного служения он проявлял замечательную энергию и просвещенное руководство – с широким и возвышенным общественным взглядом.

Такая роль барона Корфа как выдающегося земского работника чувствовалась и признавалась не только в рамках уездного, но и губернского земского хозяйства, как об этом можно судить, между прочим, по следующему факту. Осенью

1867 года барон Корф, заваленный делами по своим прямым обязанностям в александровском уездном земстве, не предполагал быть на очередном земском екатеринославском губернском собрании. Узнав об этом, собравшиеся губернские гласные с председателем собрания во главе, послали ему «по эстафете» следующее знаменательное коллективное приглашение:

> «С особенным прискорбием узнали мы, что вы не предполагаете быть в настоящем земском собрании. Уважая вас как одного из первых и полезнейших деятелей нашего губернского земства, мы высоко ценим оказанные уже вами услуги земскому делу, дорожим вашим образованным направлением, любим вас как благороднейшего человека и, при такой душевной расположенности, решаемся послать вам это письмо по эстафете и усерднейше просить вас не лишать нас удовольствия иметь вас нашим полезнейшим сотрудником и в настоящую сессию. Позволяем себе надеяться, что вы, настолько любя земское дело, примете к сердцу нашу просьбу и не откажете исполнить ее к общему нашему удовольствию».

Так высоко ценило губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на втором году открытия деятельности земских учреждений, когда только что начиналась и не успела еще вполне определиться педагогическая его деятельность, в которой он был поистине велик и незаменим. Даже и теперь, когда русская народная школа имеет более чем четвертьвековую историю как нормированное, регулярное учебное заведение, дело народного образования все еще продолжает быть предметом бесконечных споров, сомнений, колебаний и ошибок, нередко крайне грубых и прискорбных. Представьте же себе ту пору, когда барон Корф как земский гласный и член александровского уездного училищного совета, им же, строго говоря, организованного и руководимого, впервые выступил в роли организатора народных школ в своем родном уезде. Ни идеи и чего-либо типа народной школы, ни руководств и учителей, ни порядка административного управления и заведования школами – словом, ровно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу с начала, прокладывать путь «по целине», и он проявил в этом отношении высокое творчество, обнаружил огромный организаторский талант, заставив притом обратить всеобщее внимание на свою выдающуюся созидательную деятельность в провинциальном захолустье.

С отроческих лет чувствуя влечение к педагогической деятельности, основательно – как мы знаем уже – подготовленный теоретически и практически в этом отношении десятилетнею самостоятельною работою, барон Н. А. Корф избрал для себя не общепедагогическую деятельность, а специально народное образование как область совсем новую, непочатую, остававшуюся в полном забвении, если не пренебрежении. Горячо и искренно сочувствуя делу освобождения крестьян, он как человек глубоко просвещенный ясно понимал, что великий акт юридического освобождения крестьян может возыметь должную силу в жизни в том лишь случае, если он будет дополнен освобождением народа от вековечной тьмы безграмотности, т. е. его образованием. Этой великой гражданской работе всецело посвятил барон Корф всю свою последующую жизнь.

Теперь так любят некоторые ссылаться на то, что было до введения земских учреждений; есть даже охотники возводить чуть не в «перл создания» первобытную русскую школу как какую-то будто бы «самобытную нашу школу», противопоставляя ее «немецкой», под которой подразумевается всякая вообще разумно поставленная школа, удовлетворяющая рациональным требованиям образования и воспитания. Сошлемся же и мы на это «былое» – во избежание недомолвок.

> «Когда в апреле 1867 года александровский уездный училищный совет вступил в отправление своих обязанностей, то школ приходских, государственных крестьян, немецких, греческих колонистов и казацких на бумаге оказалось 40, на деле же, хоть немного сносных, – *только две!* При объезде этих школ членами совета всплыли наружу невероятные вещи. Так, в одной из школ нашелся ученик, посещавший ее шестой год, но не выучившийся совсем читать по-русски и плохо читающий по-церковнославянски; в другой школе ученик второй год учил азбуку; в третьей из 43-х учеников ни один не умел писать, и только двое кое-как писали. На одну школу в течение 13-ти лет истрачено 4000 руб., а грамотных за все это время вышло только 5 человек, т. ч. каждый грамотный обошелся в 800 рублей. Случалось и так, что школа на бумаге существует и ведомости даже присылаются, а на деле ее и с фонарем не отыщешь».

Такое описание дореформенных школ появилось еще в 1871 году в «Современной летописи» Каткова, в статье Кашина под заглавием «Поездка к барону Н. А. Корфу». Кашин же был командирован председателем московского комитета грамотности

для осмотра земских школ Александровского уезда и описал несчастное положение дореформенных школ на основании дел и документов училищного совета. Мы, со своей стороны, можем только удостоверить, что приведенное описание г-на Кашина совершенно верно; что все вообще начальные школы дореформенной эпохи в селах и деревнях находились в таком же плачевном положении, как и в Александровском уезде; что та именно школа, которая прославляется теперь как «самобытная», была одною из самых худших школ в мире, в которой царило зверское битье детей, доходившее иногда даже до физического калечения, не говоря уж о нравственном уродовании; что вообще в школах не было ничего воспитывающего, образующего, и самые школы в громадном большинстве случаев существовали только фиктивно, номинально.

Барону Корфу всецело принадлежит как самая идея, так и практическое насаждение у нас, в России, *дешевой* и *краткосрочной* народной школы, с учебным курсом в три зимы, с тремя отделениями, которые одновременно ведет один учитель, в одной классной комнате. Этот остроумный тип школы, с заимствованиями из-за границы только психолого-физиологических основ элементарного образования, есть в полном смысле *народная русская школа,* как нельзя более приспособленная к потребностям первоначального обучения и условиям сельского быта. Весною, летом и осенью дети необходимы в каждой крестьянской семье как рабочая сила – и школа предъявляет на них свои права лишь в зимнее время, когда дети менее необходимы для сельских работ.

Принимаясь в качестве члена училищного совета за насаждение новых народных школ в Александровском уезде, барон Корф не имел в своем распоряжении не только руководств и учебников, мало-мальски подготовленного педагогического персонала, но даже буквально никаких денежных средств. Первое ассигнование александровского уездного земства на народное образование составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать красноречием Корфа, чтобы вырвать согласие на ассигновку. По-видимому, все это такие препятствия, которые невозможно преодолеть одному человеку. Но он был чрезвычайно богат любовью к новому, начинаемому им делу, верою в его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость, был полон энергии и самоотвержения, – и победил все препятствия. Свое увлечение делом, свой необыкновенный гражданский подъем духа он сумел передать и другим. Заботясь о разумной постановке школы как учебно-воспитательного заведения для подрастающих поколений, он вместе с тем ставил

ее как связующее звено между крестьянином и помещиком, как разумное и действительное средство для искреннего и солидарного сближения бывших обладателей крепостными с освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокого политического смысла, нашла большое сочувствие. Увлеченные примером барона Корфа местные помещики охотно становились попечителями школ, охотно жертвовали на это дело и свое время, и свои денежные средства. Сельские общества, изверившиеся в пользе школ ввиду прежней возмутительной практики и с недоверием относившиеся на первых порах к новому почину, вскоре, однако, начали добровольно облагать себя школьным налогом от 15 до 46 копеек с ревизской души.

С миру по нитке – голому рубашка. В распоряжении училищного совета вскоре же оказалась довольно круглая сумма от двух до трех десятков тысяч рублей в год на уезд. К этому нужно прибавить еще даровой отвод помещений под школы то попечителями-помещиками, то сельскими обществами, с предоставлением вместе с тем и отопления. Наконец, был и прилив пожертвований со стороны. В общем, начав с нуля, училищный совет быстро составил настолько солидные материальные средства, что получил возможность в два-три года довести число благоустроенных школ в уезде до семидесяти.

Как ни важны материальные средства, но это – лишь внешняя сторона. Вызвав прилив этих средств, барон Корф должен был далее добывать «внутреннее содержание» насаждаемых им школ, что называется, из себя самого. Он приглашал способных молодых людей, и они являлись к нему нередко из довольно отдаленных губерний: северных, восточных и поволжских. Радушно давал им приют в своем доме, производил проверку их знаний, разъяснял им теоретические основания приемов обучения, сам давал для них образцовые уроки в школах, составлял подробные программы по каждому предмету, устраивал учительские съезды – словом, создавал и саму школу, и разумный, сознательный педагогический персонал ее, преданный делу, любящий его, т. е. делал даже больше того, что делает в учительской семинарии целый штат педагогов.

Правильно смотря на учебно-воспитательное дело вообще и тем более на народную школу как на дело социальное по преимуществу, барон Н. А. Корф, выступив инициатором в деле народного образования, став центром и душою этого дела, вместе с тем заинтересовал им всё, что было мыслящего в уезде, вызвал необычайное движение на месте в пользу народной школы. Попечители школ стояли на высоте своего призвания и

назначения. Благодаря усилиям барона Корфа каждый из них прежде всего твердо знал свои обязанности и права, до мелочей входил в положение и нужды своей школы, следил за ходом работы в ней и живо интересовался всем касающимся школы. Бывали случаи избрания попечителями неграмотных крестьян, и эти последние оказывались обыкновенно едва ли не самыми ревностными деятелями на пользу школы. Они начинали с того, что приходили в школу в одиночку или со своими детьми, садились за школьную скамью, выучивались грамоте и затем с необычайной любовью служили школе не только в материальном отношении, но и путем активного участия в преподавании в роли помощников учителей. Члены училищного совета, хорошо осведомленные бароном Корфом о положении школьных дел и разумно направляемые им, не менее двух раз в год объезжали школы своего участка, ревизуя их, производя экзамены и представляя об этом отчеты. На экзаменах присутствовали и родители учащихся, и местные земские гласные, и мировые судьи, равно как и другие должностные лица. Все местные интеллигентные силы так или иначе привлекались к школьной работе, и каждый старался оказать ей посильное содействие: одни – своим влиянием, другие – добрым советом и нравственной поддержкой, третьи – своим общественным положением и материальной помощью.

Во всей истории русского общественного управления нет более светлой страницы, как эта дружная, увлеченная, сознательная работа всех сословий и классов целого уезда на пользу образования, возвышавшая и облагораживавшая тех, которые отдавались ей. При дружном общем содействии дело ширилось и росло. Помимо быстрого количественного возрастания школ, качественная постановка дел их не оставляла желать ничего лучшего. Все школы уезда, как увидим ниже, были благоустроены в полном смысле слова, и притом учебный процесс поставлен так дельно и предусмотрительно, что в корне уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычного, почти даже неизбежного, в школах дореформенного периода.

Глава V. На пользу всего государства

Барон Н. А. Корф как типичный общественник. – Его публицистическая деятельность. – «Отчеты» о школьной деятельности, их распространение и влияние на всю Россию. – Корреспонденты барона Н. А. Корфа. – Оценка его деятельности К. Д. Ушинским; прозорливый взгляд его на барона Корфа.

Барон Н. А. Корф был, можно сказать, врожденным общественником. Придавая значение только живой и производительной деятельности, он вместе с тем чувствовал непреодолимую потребность делиться с обществом каждой вновь зародившейся мыслью, каждым новым шагом в общественной деятельности. Все это он торопился сделать общественным достоянием, отдать на суд общества.

С самого начала реформ царствования Александра II, особенно же с момента земской реформы, барон Корф проявил себя талантливым, отзывчивым и необычайно плодовитым публицистом. Начало литературной деятельности барона Корфа относится к 1859 году, когда он печатался в «Экономическом указателе» Вернадского, работая исключительно над вопросами, касавшимися улучшения экономического положения сельского населения и имевшими непосредственное отношение к ожидавшемуся тогда освобождению крестьян. Вскоре литературным прибежищем его стали «С. – Петербургские ведомости», издававшиеся и редактируемые тогда В. Ф. Коршем и пользовавшиеся в ту пору большим влиянием и уважением. Барон Корф сразу занял в периодической печати авторитетное и боевое положение по вопросам дворянского управления, судебной реформы, общественного самоуправления и земского хозяйства, школьного дела вообще и народного образования в особенности. Уже в 1866 году В. Ф. Корш в письме барону Корфу от 6 июня «повторяет» «искреннее спасибо редакции» за его статьи и между прочим говорит:

> «Все они интересны и дельны, хотя и возбуждают противоречия с разных сторон. Конечно, вы имеете полное право защищаться в случае печатных нападений на ваши статьи. Я, со своей стороны, могу только пожалеть о том, что они появились в виде корреспонденции, а не в виде передовых статей, занимающих более видное место в газете. Вы очень обязали бы редакцию на будущее время, если бы не

отказались давать вашим статьям именно такой характер и вид».

С этой поры барон Н. А. Корф стал желанным гостем во всех лучших периодических изданиях. Но он всегда писал не иначе как за своей подписью и нигде, никогда не выступал со статьями редакционного характера.

Не довольствуясь широким доступом в периодическую печать, барон Корф избрал очень остроумный способ для пропаганды собственно народного образования как области, некоторым образом, неведомой и не имевшей никаких определенных законоположений. Он начал выпускать «Отчеты александровского уездного училищного совета», в которых подробнейшим образом излагались: организация училищного совета, обязанности членов его и попечителей школ, порядок открытия народных училищ, их программы, распределение занятий, производство экзаменов, выдача аттестатов, наконец даже самые планы школ и все их обзаведение в учебном отношении. Прекрасная литературная форма «Отчетов», простое, ясное, увлекательное изложение их, особенно же тот внутренний огонь, которым они были пронизаны, сразу снискали им всеобщее внимание и сочувствие во всей империи, до Сибири и Кавказа включительно.

Департамент министерства народного просвещения и журнал этого же министерства, попечители разных учебных округов, редакции общих периодических и педагогических изданий, города и земства, частные лица и педагоги разных рангов и общественных положений, до народных учителей включительно, – все это с жадностью набросилось на скромные «Отчеты» уездного училищного совета. Всех изумлял, радовал и привлекал факт как бы самостоятельного возникновения разумной, крайне симпатичной народной школы, дельно приноровленной к потребностям сельской жизни и соответствующей скудным материальным средствам крестьянства (около 340 рублей в год на содержание школы и около 8 рублей 66 копеек на обучение одного учащегося). Школы этого совершенно нового, неведомого раньше типа возникали массами, по нескольку десятков в год, пользуясь большой любовью сельского населения и энергической поддержкой всего местного интеллигентного и правящего общества. Все это было изложено в «Отчетах» убедительно, доказательно, фактически, почти с протокольной документальностью, но не в ущерб литературности формы, – и потому производило неотразимое впечатление.

«Отчеты» расходились в тысячах экземпляров, вызывая новые

и новые требования и давая довольно значительные средства александровскому училищному совету, в пользу которого поступала выручка от продажи. Всего вышло пять таких «Отчетов», полных педагогического интереса, составляющих в общей сложности более 50 печатных листов. Распродажа их дала училищному совету свыше 2 тысяч рублей. Благодаря «Отчетам», а также и своей горячей публицистической деятельности барон Н. А. Корф не только широко ознакомил всю читающую русскую публику с созданным им типом русской народной школы и распорядками народного образования на месте, но и внедрил этот тип и распорядки в сознание всей периодической печати и всего образованного русского общества, земских и городских общественных учреждений и правящих сфер. То, что делал барон Корф в провинциальной глуши, оставаясь почти безвыездно в Александровском уезде, распространялось на всю империю, получало общерусский интерес и значение. По указаниям и руководству «Отчетов», земства и города разных губерний, местная учебная администрация (например, Кавказский учебный округ), разные ученые общества (например, Московский комитет грамотности) торопились насадить у себя новые народные школы или даже всю организацию народного образования до учительских съездов включительно. Таким образом, как собственно школа, так и вся вообще организация народного образования, столь удачно возникшие в глуши Александровского уезда, сами собою, в силу естественного порядка вещей, получили право гражданства повсеместно в России. В этом отношении практика дела шла впереди законодательства, обогнав его на целых восемь лет, считая со времени начала земской деятельности по народному образованию до появления «Устава» (1874 года) о нормальных народных училищах. Это дело создавал барон Н. А. Корф личным своим почином; он же руководил им и направлял его с необычайной энергией и блестящим успехом, причем исключительно средствами печати.

На исходе 60-х годов барон Корф начал принимать деятельное участие, помимо «С. – Петербургских ведомостей», еще в «Вестнике Европы» и «Народной школе». Очень характерно заглянуть в переписку его с редакторами этих периодических изданий. Деятельно работая в трех крупнейших периодических изданиях, заваливая их статьями, так что редакторы то и дело «извинялись» перед ним за «невозможность своевременно напечатать», барон Корф, в свою очередь, горько жаловался на «недостаток места». Помимо обширных «Отчетов» и обильных статей, беспрерывно следовавших друг за другом в разных периодических изданиях, его колоссальная энергия требовала

еще иного выхода в деле созидания народной школы, направления всего дела народного образования и руководства им. И вот он в незначительный промежуток времени, примерно около пяти лет, выпустил *пять* учебников и руководств для народной школы, о которых будет сказано в следующей главе.

Но и это покамест не насыщало его удивительной энергии. Скромная, но славная общественная деятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую известность, внушительно выразившуюся, между прочим, в обширнейшей переписке его с разными лицами по вопросам вообще школьного и собственно народного образования. Территориальный район, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, он очень удачно определил в своих «Записках» словами: «от Колы до Кутаиса, от Варшавы до Омска». Около тысячи этих писем, принадлежащих 250 корреспондентам, находились в нашем распоряжении и послужили основным материалом при составлении этой биографии. Конечно, эта обширная коллекция писем не обнимает еще всей корреспонденции барона Корфа, тем не менее, она в высшей степени характерна и назидательна. Тут есть письма крупных административных деятелей, до министерского поста включительно, и скромных народных учителей; но значительно преобладают письма земских общественных деятелей – лиц, так или иначе причастных к делу образования, – и литераторов. Как видно из этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразием, барон Корф был идеально исправным корреспондентом. Необычайно деятельный и отзывчивый вообще, он тем более не оставлял без обстоятельного ответа и разъяснения сделанного к нему обращения, от кого бы оно ни исходило, раз только дело касалось воспитания и обучения, а тем более – народного образования. В этом случае барон Корф не считал обременительным для себя писать обширные ответные письма, поддерживая и направляя одних, споря с другими, разъясняя третьим.

Какое важное значение имела пропаганда бароном Н. А. Корфом дела народного образования, лучшим доказательством тому могут служить письма к нему К. Д. Ушинского. В письме, например, от 15 января 1869 года Ушинский писал между прочим барону Корфу: «Я давно и с истинным наслаждением слежу за вашею деятельностью и, не будучи в силах сам, по совершенному расстройству моего здоровья, принять участие в практике этого дела, находил много успокоения в том, что оно еще имеет такого деятеля, как вы». Письмо это вызвано было именно «Отчетами» барона Корфа, которые Ушинский обещал разобрать, «как только будет свободное время и силы хоть немного восстановятся», «со

всею любовью к самому делу и со всем уважением» к барону Корфу.

> «Вы, должно быть, еще молодой человек, – *говорится в заключении того же письма.* – Дай же Бог вам долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный. Дай Бог вам принести гораздо более пользы, не только более того, чем я принес, но даже более того, что я мог бы принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке».

Ушинский сразу угадал в бароне Н. А. Корфе не только большую педагогическую силу, но и прозорливо предугадывал в нем умелого и сильного борца за дело народного образования, вожака и руководителя этим важным государственным делом. В том же 1869 году ушинский, отправляясь в Крым для лечения, писал барону Корфу следующее:

> «Я полагаю, что земская школа должна наконец положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей. Лучшим средством для этого, как мне кажется, было бы иметь общий журнал, в котором бы сходились сведения о результатах тех или других попыток, сделанных земствами различных губерний, и в котором могли бы обсуждаться эти попытки. Сам я, при моей болезненности и беспрестанных отлучках из Петербурга, конечно, не могу издавать такого журнала, но мог бы и желал бы от всей души принять в нем деятельное участие, чтобы посвятить свои остальные силы земским школам, так как я жду от них хотя не многого, но, по крайней мере, чего-нибудь действительного, а не только бумажного и форменного, чем до сих пор угощали нас… Если бы объявить этот журнал журналом земских школ и вы приняли бы в нем деятельное участие, то, может быть, и вышло бы что-нибудь. Вот о чем мне хотелось бы очень переговорить с вами, хоть письменно, если уж нельзя лично».

В пояснение последних строк этой цитаты надо заметить, что барон Корф – как было уже сказано выше – безвыездно работал в родном своем уезде, и Ушинский усиленно желал повидаться с ним на обратном пути из Крыма, чему, однако, не суждено было

случиться. Вообще, Ушинский высоко ценил барона Н. А. Корфа как единственного в своем роде общественного деятеля, и его уважение к созидательной, творческой деятельности последнего в области народного образования, как это видно из самого хода переписки, росло и росло. Так, в письме от 23 февраля 1870 года К. Д. Ушинский, сообщая барону Корфу, что он наконец разобрался в его «Отчетах», между прочим говорит:

> «Статью для „Народной школы“ (т. е. о народном образовании в Александровском уезде) я написал, но плохую. Проклятая болезнь держит меня до того далеко от всякой общественной жизни и деятельности, что я решительно не могу написать теперь ничего живого из области практики. Дело другое – вы: читая каждую вашу статью, чувствуешь, что вы говорите о деле, в котором сами вращаетесь и которому отдались бескорыстно и прямодушно. О, если бы вас можно было помножить на число наших губерний, – не говорю уж уездов, – через 10 лет Россия была бы уже другая! Но вы и так делаете много одним своим примером, и имя ваше будит не одно сонное земство».

Словом, Ушинский безошибочно предрешил выдающуюся общественную роль барона Корфа.

Глава VI. Учебно-литературная деятельность

Замечательная литературная плодовитость барона Н. А. Корфа. – Высокое бескорыстие его. – Первые учебники и руководства барона Корфа, их распространение и значение. – «Наш друг»; обстоятельства, предшествовавшие составлению этой книги, ее оценка и распространение. – Последующие труды барона Корфа.

К началу 70-х годов имя барона Н. А. Корфа пользовалось повсеместной известностью в России. Его именем двигалось и руководилось все дело народного образования; его имя – как удачно выразился Ушинский – «будило» всех предрасположенных спать на поприще общественной деятельности. Этому в значительной мере способствовал следующий ряд выпущенных им учебников и руководств: «Руководство к обучению грамоте по звуковому способу, или Как обучать грамоте ребят и взрослых», «Русская начальная школа», «Наш друг», «Малютка» (первая книга после азбуки для народной школы и семьи) и «Наше школьное дело».

Такая масса изданий вышла в свет из-под пера барона Н. А. Корфа в промежуток времени между 1867 и 1873 годами, который в это же время, как мы знаем уже, выпустил в свет более 50 печатных листов своего знаменитого «Отчета» и напечатал не менее такого же количества в виде газетных и журнальных статей. Если прибавить к этому еще и обширнейшую корреспонденцию барона Н. А. Корфа, будет очевидна беспримерная литературная плодовитость его, которая сама собою уже служит доказательством и большого запаса знаний, и высокой талантливости, и гигантской энергии, и пламенной любви к делу народного образования.

«Руководство к обучению грамоте» было составлено им первоначально для обучения старшей своей дочери. Этот первый, так сказать, домашний педагогический опыт барона Н. А. Корфа был издан им в 1867 году. К. Д. Ушинский коротко, но сильно определил значение этой маленькой книжечки ценою в 10 копеек. «Ваше руководство к обучению грамоте, – писал он барону Корфу 23 февраля 1870 года, – имеет чисто практическую цель, и потому вы из самой практики могли убедиться, что оно составлено очень хорошо… Цель звуковой методы – чисто практическая, и если эта цель достигается, то все сказано». Ушинский не ошибся. «Руководство» это в первые же двенадцать лет выдержало семь

изданий, разойдясь в количестве 70 тысяч экземпляров.

Здесь уместно сказать о величайшем бескорыстии барона Н. А. Корфа. Он долгое время, приблизительно до начала 70-х годов, почти совсем не получал гонорара за свои газетные и журнальные статьи. Вся выручка от продажи «Руководства» также была обращена в пользу народных школ Александровского уезда, которая и дала им до 1879 года свыше четырех тысяч рублей. Сумма эта, вместе с выручкою за «Отчеты», составляет более шести тысяч рублей, не считая притом привлечения еще и других средств со стороны. Таким образом, барон Н. А. Корф не только безвозмездно нес все бремя организации, заведования и руководства школьным делом в Александровском уезде, но еще и производил довольно значительный денежный вклад на это дело. Факт этот нужно иметь в виду для правильной оценки того, как отплатили впоследствии барону Корфу за его высокое бескорыстие и самоотвержение земские его сочлены.

«С большим нетерпением» ожидал К. Д. Ушинский второго печатного труда Корфа, его книги «Русская начальная школа». Ушинский «ждал от нее наставления самому себе». Задумав «написать общий учебник для земских школ», он чувствовал потребность «побеседовать с человеком, таким практическим», как Корф. К сожалению, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться действительно ценными указаниями этой книги.

Устав отвечать на бесконечные вопросы, как приступать к открытию народных школ, заведовать и руководить ими, барон Корф выпустил в свет объемистую книгу – «Русская начальная школа», которую совершенно правильно назвал «руководством для земских гласных и учителей сельских школ». Составляя эту книгу, он преследовал цель *«возбудить* сочувствие к народной школе и *создать деятелей для нее».* Цель эта была умело достигнута автором. В одно и то же время он является в своей книге и опытным педагогом, и умелым администратором, детально разъясняя все распорядки народной школы в педагогическом, административном и финансовом отношениях. И те, которые не имеют никакого понятия о народных школах, но желали бы или даже обязаны устраивать их, находясь в положении общественных деятелей, и те, которые выступают в роли народных учителей, попечителей народных училищ, членов училищных советов, народных инспекторов и вообще лиц учебно-административных, найдут в «Русской начальной школе» необходимые для них советы, указания и разъяснения в живой, полной, доказательной форме. Немудрено поэтому, что названное руководство сразу сделалось настольною книгою всех деятелей по народному образованию как первый по времени появления и

самый дельный труд по *училищеведению.* Менее чем в десять лет со времени появления в свет этой книги она выдержала шесть изданий и разошлась в 32 тысячах экземпляров.

Нисколько не рискуя впасть в преувеличение, барона Н. А. Корфа можно назвать *первым народным русским учителем* разумной начальной школы. Ему же бесспорно принадлежит честь *первого подготовителя народных русских учителей,* в смысле – сознательных педагогов. Естественно, что ему же по праву должно было принадлежать и составление *первой классной книги* для народной школы. И он дал такую книгу – «Наш друг». Она до сих пор остается лучшей книгою в обширной коллекции учебников и руководств для народной школы. Но для правильной оценки исключительного значения «Нашего друга» в ряду однородных с ним изданий необходимо коснуться некоторых деталей тех совершенно своеобразных условий, в которых находился барон Корф как народный педагог.

Прежде чем составлять эту книгу, ему пришлось пропустить через свои руки более сотни народных педагогов. «Пропуск» этот состоял в следующем. Из разных местностей России, нередко очень отдаленных, к нему приезжали молодые люди, занимавшиеся уже делом образования или желавшие заняться им. Он производил им поверку и с недостаточно подготовленными продолжал заниматься сам, оставляя их жить у себя в доме. Не одному десятку лиц случалось проводить у него по две, по три недели, даже по месяцу, пока он, наконец убедившись в их подготовленности, выдавал удостоверение, что они могут быть народными учителями. Это удостоверение в глазах всех обыкновенно ценилось несравненно выше дипломов, так как барон Корф чрезвычайно удачно умел определять, помимо собственно подготовленности, еще и склонность к педагогической деятельности в этом отношении. Лица, прошедшие «через руки» барона Корфа, считались лучшими народными педагогами, так как он передавал им частичку своего педагогического огня, своей энергии, любви и преданности делу.

Но даже и этот громадный опыт не имел еще решающего значения в деле составления «Нашего друга». Главную роль в этом отношении играло непосредственное ведение бароном Корфом школ в своем уезде. Два раза в год, именно в пору самой несносной осенней и весенней распутиц, он объезжал все школы уезда, делая по 800 верст: осенью – чтобы «поставить» школьное дело на месте, при начале учебного года; весною – чтобы проверить результаты в конце учебного года. Таким образом, весь ход школьного дела в целом уезде был у него всегда на виду; он наперечет знал всю работу в каждой школе, с ее хорошими и

неудовлетворительными сторонами, лично исправляя ошибки и промахи лиц преподающих и неуклонно подвигая их в педагогическом самоусовершенствовании.

Таким чисто опытным путем, освященным предварительным изучением педагогической теории, у барона Корфа сложился вполне отчетливый взгляд, каким именно требованиям должна удовлетворять книга для русской народной школы при современном состоянии крестьянства, при экономических и учебных наших средствах. Барон Корф задался целью составить книгу, которая бы *«посредством ознакомления учащегося с окружающим миром повлияла на улучшение его материального и нравственного быта».* Такою именно книгою и является «Наш друг». В нем как книге, завершающей курс народной школы, удачно объединен весь учебный материал. Воздействуя на общее развитие и воспитание, способствуя обогащению познаниями, развитию мышления и дара слова учащихся, книга эта вместе с тем очень удачно преследует цель снабжения питомцев народной школы такими сведениями, которые непосредственно приложимы в жизни, обогащая притом питомцев и общими элементарными научными сведениями настолько, чтобы впоследствии было возможно для них самообразование путем чтения книг общедоступного содержания. Всякое первоначальное обучение может быть, конечно, только *реальным,* при полнейшем отсутствии всего схоластического; народное же образование, кроме того, должно быть еще и деловым. Барон Н. А. Корф удачно разрешил эту труднейшую из проблем во всем учебно-воспитательном деле как самой организацией и постановкой народной школы, так, наконец, и составлением для нее «Нашего друга» – книги для учения в школе и дома. В отличие от всех других авторов подобного рода изданий он, так сказать, в натуре видит перед собою учащихся в народной школе как в пору их учения, так и по выходе из школы, и действительно является их *другом,* помощником, советчиком и руководителем во всем, что нужно знать сельчанину в его домашнем и общественном, хозяйственном и моральном обиходе. Точно так же и в своей «Книге для учащих» (т. е. «Руководстве к „Нашему другу“») он видит перед собою народных педагогов со всеми возможными с их стороны промахами, ошибками, увлечениями и отклонениями – и как опытный руководитель предупреждает все это.

«Наш друг» барона Корфа восполнил собою тот пробел в нашей школьной литературе, который так остро чувствовал К. Д. Ушинский, понимавший недостаточную примененностъ своего «Детского мира» и «Родного слова» к особенностям и потребностям народной школы и стремившийся написать особую

учебную книгу специально для народной школы. Не так, однако, взглянула на это дело кабинетная петербургская педагогическая критика. Как это ни конфузно и ни прискорбно, но находились и такие патентованные педагоги, люди, претендующие на имя в деле народного образования, которые пытались поставить в вину «Нашему другу» все то, что составляет специфическую отличительную его черту от названных выше руководств Ушинского, в чем заключается специальная приспособленность этой книги к потребностям народной школы. Для этой последней (в смысле учащих и учащихся) она действительно является *другом* в полном смысле слова: все содержание и построение этой книги продиктовано не одной только глубокой изученностью дела, но и горячей любовью и к тем, которые учатся, и к тем, которые учат. Тут буквально нет статьи, в которой вы не чувствовали бы заботы барона Корфа о том, чтобы она была понятна, интересна и полезна учащимся, и о том, чтобы она не затруднила учащих. Во всех случаях, где только учащий мог бы споткнуться и заблудиться, на выручку ему является «Друг» и указывает, как с успехом пройти опасное место.

К сожалению, все это проглядела патентованная кабинетная педагогическая критика. Она не проявила ничего самостоятельного, непосредственного. Впрочем, она и не могла проявить этого, так как в ту пору, когда появился «Наш друг», не было еще установлено учебной программы народной школы, не успела еще окончательно установиться практика только налаживавшихся учительских семинарий. И то, и другое барон Корф опережал своей книгой, предрешая, так сказать, их постановку.

В отношении к «Нашему другу» со стороны некоторых из влиятельных петербургских педагогов дело не обошлось и без значительной доли *двоедушия:* в глаза они говорили барону Корфу о его деятельности и печатных трудах одно, а за глаза старались показывать и утверждать совсем другое. Вот особенно характерный факт в этом отношении.

Один из видных петербургских педагогов, с влиятельным служебным положением, писал из Петербурга в ноябре 1870 года барону Корфу следующее:

> «На всем протяжении обширной России нет другого человека, который бы с той же энергией и успехом, подобно вам, трудился бы в возделывании большого и долго заброшенного, а потому заросшего сорными травами поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилий, чтобы совершить этот труд, и

нельзя не выразить при этом сожаления, что мало существует общения и содружества между служителями этой миссии. Будем надеяться на лучшее будущее… Как жаль, что вы не здесь (хотя, собственно говоря, вы *везде* нужны и прежде всего в вас сила и жизнь руководимого и созданного вами дела в вашем крае): заседания с.-петербургского педагогического общества в настоящее время весьма интересны, и оно ныне особенно нуждается в деятеле с вашею опытностью и компетентностью, так как прения последних заседаний затронули самые живые и, надо сказать, далеко не вполне решенные проблемы относительно нашей народной школы, которая вам так хорошо и специально известна. Мне приходит на мысль, нельзя ли устроить дело хотя посредством *письменных* сношений – по поводу рефератов, – это, конечно, обществом примется с благодарностью. Мне кажется, что можно бы даже было, – разумеется, если ваши столь многосложные занятия позволят, – прислать письменные тезисы, поручить их защиту и развитие в заседаниях кому-либо из членов общества (на что, например, всегда согласен с удовольствием). Я говорю это, имея в виду, что общество наше бесспорно много теряет, не имея возможности *непосредственно* пользоваться трудами одного из компетентнейших своих членов по самому важному из специальных вопросов педагогии».

Автор этого сердечного письма, вполне отвечавшего притом действительному положению вещей, в скором времени внес в педагогическое общество доклад по поводу книги барона Корфа «Наш друг». В этом докладе – увы! – автор письма не сообщал уже обществу педагогов, что «на всем пространстве России нет другого человека», с такою же «энергиею и успехом», «опытностью и компетентностью». Напротив, он трактует о «Нашем друге» с высоты величия и ничем не оправдываемого самомнения. В общем, однако, отзыв был вполне благоприятен для труда барона Н. А. Корфа, хотя в нем невольно бросается в глаза такая странная постановка критики, что выдвигается на первый план сам докладчик, его «энергия» и «компетентность», а вовсе не барон Корф и его прекрасный труд. Но это еще куда бы ни шло: главное же в том, что докладчик вслед за тем поместил в одном из педагогических журналов статью, в которой расходится с сущностью своего же доклада.

Озадаченный такою *тройственностью* отношения к себе со стороны одного и того же лица, барон Н. А. Корф обратился в

Петербург за разъяснениями. Лицо, стоявшее в то время во главе педагогического общества, в ответном своем письме барону Корфу пишет:

> «Ваше недоумение относительно разногласия между тезисами, поставленными в педагогическом обществе, и содержанием статьи, помещенной в журнале (мы пропускаем название журнала, фамилию докладчика, равно как и автора цитируемого ответного письма барону Корфу), разделяют многие лица в Петербурге. В самом деле, непонятно преднамеренное искажение одних фактов и умолчание о других. Где же нужно искать причины подобного разногласия, положительно сказать трудно; вероятно, она лежит, с одной стороны, в ваших личных отношениях с некоторыми господами, а с другой, – в отсутствии литературной добросовестности этих некоторых лиц, пишущих и печатающих свои писания. Протокол педагогического общества выражает то, что было в заседании общества. Следовательно, педагогическое общество сделало свое дело. Если же в настоящее время появляются *уколы тупых булавок,* вы должны переносить их, потому что не присылаете статей в „Семью и школу“ и „Народную школу“. Значит, вы – враг изданиям, живущим жизнью, бедною содержанием».

Эти «уколы тупых булавок» послужили, однако, большим соблазном для некоторых органов общей периодической печати. Зато люди, непосредственно стоявшие у дела народного образования, с высокою похвалой отзывались об этой книге. Из многочисленных отзывов этого рода остановимся на двух следующих как наиболее характерных и выразительных. Вот что писал, например, директор московской учительской школы Цейдлер.

> «При первой, появившейся в „Голосе“, хуле на „Нашего друга“, мне хотелось, многоуважаемый Николай Александрович, заявить и мое мнение о том, что в нашей педагогической литературе нет ни одной книги, которую бы можно было не только приравнять, а хоть близко поставить к „Нашему другу“ в библиотеке или в классном столе народной школы. Если мы говорим о необходимости образования для народа, если заботимся об устройстве народных школ, то, конечно, потому только, что образование, школа – самое сильное, самое лучшее средство для достижения важнейшей

государственной цели: поднять уровень нравственного развития и улучшить материальный быт народа. Но где же та книга, которая бы прямо вела к этой цели? Только одна и есть – „Наш друг“. Указывают на книгу Водовозова, но в ней, как и во многих так называемых „народных“ книжках, есть несколько статей, которыми сумеет воспользоваться хороший учитель, т. е. учитель, каких почти нет в наших школах. Между тем „Наш друг“ удовлетворяет цели от первой страницы до последней и сподручен для каждого мало-мальски грамотного крестьянина… Ваши критики, не замечая существенного капитала в „Нашем друге“, тыкают пальцами на мелочные недосмотры, чуть не на опечатки» (27 января 1872 года).

В заключение же письма автор его говорит, что такие книги, как «Русская начальная школа» и «Наш друг», «внушают каждому признательность, уважение и преданность». Заслуживает внимания следующий краткий, но выразительный отзыв известного русского педагога И. Ф. Рашевского, стоявшего в ту пору во главе С. – Петербургской земской учительской семинарии.

«Считаю необходимым передать вам, – писал он барону Корфу, – что мне пришлось быть свидетелем очень хороших успехов учеников, занимавшихся по книге „Наш друг“. Значение „Нашего друга“, я убедился в этом, в настоящее время велико у нас именно потому, что в этой книге не только находится известный материал, пригодный для народной школы, но и разъяснен учителю способ передачи учебного материала: взяв вашу книгу за руководство, учитель народной школы знает, что делать и как, и не теряется в пустых опытах, часто кончающихся ничем» (14 мая 1872 года).

Пока некоторые из влиятельных педагогов, мучимые завистью к авторитету, всероссийскому влиянию и успеху барона Корфа, изощрялись то в общей, то в педагогической печати относительно «уколов тупых булавок», школьная практика делала свое дело. Новые и новые издания «Нашего друга» нарасхват расходились одно за другим. Всего по 1893 год «Нашего друга» разошлось 16 изданий. Но и этого значительного распространения нельзя еще назвать максимальным, т. е. каким оно могло бы быть, если бы с ним не случалось странностей совершенно курьезного свойства. Конечно же, «Наш друг», вскоре

после выхода его, был одобрен «учеными» и «учебными» комитетами всевозможных ведомств и министерств. Тем не менее, с ним случались следующие, совершенно необъяснимые, курьезы. Корф усиленнейшим образом работал над улучшением своей книги, соответственно росту народной школы и ее потребностей, и не выпустил в свет двух одинаковых изданий. Между тем случалось так, что предыдущие издания попадали в каталог книг, одобренных министерством народного просвещения для народных школ, а последующие – не попадали. Так это, между прочим, случилось и с десятым изданием «Нашего друга», значительно переработанным, которое не попало в каталог министерства и потому могло быть допущено только в библиотеки народных школ. Было ли это продолжением и последствием того «двоедушия», которое так характерно проявилось при критической оценке «Нашего друга», или дело объяснялось слепой случайностью, – трудно решить. Во всяком случае несомненно, что указанное недоразумение значительно затормозило распространение книги.

Тем не менее, все, что вышло из-под пера барона Корфа и продолжало выходить, находило большой сбыт. Так, в 1872 году он выпустил небольшую книгу «Малютка». В последующих изданиях «Нашего друга» весь учебный материал, заключавшийся в «Малютке», вошел в него. Это, однако, не помешало единственному изданию «Малютки» в 25 тысяч экземпляров разойтись начисто.

В Числе первой серии книг, выпущенных в свет бароном Н. А. Корфом, есть и еще очень важная книга – «Наше школьное дело». Но о ней мы скажем несколько ниже, так как необходимо предварительно ознакомиться с некоторыми обстоятельствами жизни и деятельности барона Корфа.

Глава VII. Заслуги и черная неблагодарность

Барон Н. А. Корф как центр деятельности по народному образованию. – Письма попечителя Кавказского учебного округа Я.Неверова. – Отзыв Д.Д.Семенова о гиколах барона Н.А. Корфа и его деятельности. – Признательность интеллигентной части русского общества барону Н. А. Корфу и пребывание его в Петербурге. – Жестокий удар и всеобщее сочувствие.

Благодаря барону Корфу на исходе 60-х и 70-х годов Александровский уезд Екатеринославской губернии стал своего рода педагогической Меккой в отношении собственно народного образования. Туда не только обращались за советами и указаниями земские деятели по школьной части, там не только искали прибежища и помощи молодые люди, желавшие потрудиться на пользу народного образования, – туда обращались также и крупные администраторы по учебной части и лица, пользовавшиеся большой педагогической известностью, чтобы умудриться примером и опытом барона Н. А. Корфа в деле народного образования и достигаемыми им прекрасными результатами. Он стал центром всей деятельности по народному образованию в России.

Как известно, за Кавказским учебным округом прочно сохраняется репутация одного из самых гуманных, деятельных и производительных районов в учебно-воспитательном отношении. В этом дореформенном крае с давних пор уже довольно значительные успехи делает и народное образование. Всем этим Кавказский округ очень много обязан той дельной закваске, которая была положена в бытность там попечителем учебного округа Неверова. Этот просвещенный и энергичный администратор с искренним увлечением отнесся к начинаниям барона Н. А. Корфа и задался целью воспринять от него и целиком насадить у себя на Кавказе все, что есть хорошего в созданной бароном Корфом организации народного образования. И он блестяще осуществил эту цель на свой страх и риск, не стесняя себя никаким формализмом.

Между бароном Корфом и Неверовым завязалась большая переписка, растянувшаяся года на четыре, чрезвычайно характерная для Неверова как талантливого администратора и для дела барона Корфа. Вот некоторые черты из этой переписки. В официальном, например, письме от 18 марта 1869 года

попечитель Кавказского учебного округа пишет барону Корфу:

> «Из моей долгой педагогической деятельности я вынес убеждение, что без правильной подготовки учителей для начальных и вообще низших учебных заведений развиваемое в высших слоях общества просвещение никогда не может проникнуть в низшие его слои, а всегда будет поверхностно и односторонне, потому что лишится самых питательных соков, которые оно может черпать только в непосредственно народной среде. При таком убеждении естественно, что я с особенным вниманием следил за вашею благотворною и просвещенною деятельностью на поприще народного образования. Несмотря на открытие в окрестностях Тифлиса правильной учительской семинарии, носящей название Александровской учительской школы, я счел необходимым для удовлетворения насущной потребности обучения прибегать к тем же мерам, какие были с успехом принимаемы и вами, как то: съезды начальных учителей и проч.».

В другом, тоже официальном, письме Неверов говорит:

> «Приношу вам мою искреннейшую благодарность за письмо ваше от 15 мая и присланный мне вместе с ним „отчет“ ваш, который я прочел с особенным вниманием и самым теплым сочувствием к благим результатам столь блистательно начатого вами важного дела. Честь и слава вам: вы доказали, что правильная школа возможна на русской почве и что народ не только не чуждается ее, но вполне ей сочувствует. Вместе с сим я делаю распоряжение, чтобы все начальные училища вверенного мне округа были снабжены изданным вами руководством к обучению грамоте, а также экземпляром вашего отчета, который служит наилучшим комментарием к этому руководству… Я получил известие, что проект мой об открытии второй учительской семинарии в моем округе поступает в государственный совет ибудет утвержден в начале следующего года. Тотчас по получении утверждения я непременно командирую будущего директора в ваш уезд для ознакомления с вашими школами. Руководитель будущих народных учителей должен на месте ознакомиться с правильною русскою школою и изучить все особенности и условия ее быта. Я надеюсь, что вы и училищный совет не откажете в

содействии этому лицу. Прилагая при сем для вас, барон, экземпляр моего отчета за минувший год, я покорнейше прошу у вас извинения в том, что, не спросив вашего позволения, я напечатал в моих циркулярах извлечения из вашего письма ко мне. Я придаю очень большую цену столь любезно предлагаемому вами обмену мыслей в таком общем деле и рад был случаю, предоставленному мне письмом вашим, чтоб показать моим сослуживцам, что в реформах, мною вводимых, я нахожу сочувствие и готовность содействия в вас – в лице, на деле доказавшем возможность существования у нас правильной школы» (14 августа 1869 г.).

Новая учительская семинария, о которой писал барону Корфу попечитель Кавказского учебного округа, – *Кубанская.* Директор ее – известный русский педагог Д. Д. Семенов, который и посетил школы Александровского уезда весною 1871 года. Вот что писал по этому поводу барону Корфу попечитель Кавказского учебного округа Неверов 11 декабря 1871 года:

«Я только что прочел официальный отчет Д. Д. Семенова о командировке его в Александровский уезд и, под влиянием впечатления, произведенного на меня подробным описанием того, что видел Семенов у вас, берусь за перо, чтобы выразить вам, барон, глубокое сочувствие к вашей общественной деятельности, поистине заслуживающей уважения не отдельных только симпатизирующих вам лиц, но и всего народа русского, которому вы показали возможность существования в среде его правильной школы. Благодаря вашему благому примеру теперь смело можно, с полною надеждою на успех, приниматься за великое дело народного образования».

Далее в письме говорится о намерении попечителя командировать в Александровский уезд весною 1872 года инспектора народных училищ Ставропольской губернии.

Отчет Д. Д. Семенова о командировке был напечатан в январской книжке циркуляров по Кавказскому учебному округу за 1872 год. Кроме того, Д. Д. Семенов поделился с публикой своими впечатлениями от этой командировки и в периодической печати. Описание им этой поездки, появившееся в «Народной школе» за 1871 и 1872 годы («Педагогические очерки школ Александровского уезда»), почти совпало с известной уже

читателям статьей г-на Кашина, командированного московскими комитетами грамотности. Так как от появления «Педагогических очерков» Д. Д. Семенова отделяет нас период времени более чем в 20 лет, то мы предпочитаем ограничиться небольшой выдержкой из другой статьи этого автора – «Барон Николай Александрович Корф», помещенной в брошюре «Русские педагогические деятели», вышедшей в свет в 1887 году.

«Хотя прошло тому около 15-ти лет, – *вспоминает Д. Д. Семенов в позднейшей своей статье о поездке для осмотра школ барона Н. А. Корфа,* – но я живо припоминаю первую встречу мою с Н. А. Отыскивая школы в уезде в апреле 1871 года по грязным донельзя дорогам, я случайно попал в село Майорское, где ждали приезда барона для ревизии школы.

Тут я встретил уже попечителя школы, из местных помещиков, мирового посредника, члена училищного совета, заезжего учителя из Харькова, священника и учителя школы; возле школы толпились крестьяне. Наружность школы немногим отличалась от малороссийской хаты зажиточного крестьянина: та же белая мазанка, та же соломенная крыша; но школа особняком на холме; возле школы небольшой садик, обработанный учителем и учениками. Внутренность школы поражала поистине праздничным видом. Стены и потолок были выбелены; глиняный пол чист и полит водою во избежание пыли; по стенам развешаны картины, преимущественно из Священной истории; в углу – образ; на передней стене – портрет Государя и часы; на столе разложены тетради и рисунки детей; дети сидели чинно, в ожидании Н. А.; βсе они были умыты и гладко причесаны, в чистых рубашках или свитках, и все в сапогах; перед каждым учеником лежало новое перо и пол-листа белой бумаги. Подобную обстановку школы я видел потом и в других школах, где и не ожидали ревизора. Но вот пробило два часа – время, назначенное Корфом для приезда. Вдали послышался колокольчик; все встрепенулись; приехал Н. А., σсталый, изнуренный, обрызганный грязью, в простой телеге, на обывательской тройке, объездивший без отдыха почти все школы своего участка и уже утром успевший обревизовать одну школу. В какие-нибудь 5-10 минут Н. А. успел наскоро перекусить, привести себя в порядок и вошел в школу бодрым и свежим. Вошли в школу и отцы. На

приветствие Корфа: „Здравствуйте, хлопцы!“ – дети радостно закричали: „Здравствуйте и вы, Николай Александрович!“ Видно было, что дети хорошо знают своего гостя. После приветствия дети согласно пропели молитву „Достойно есть“. В этом пении участвовали священник, учитель и сам Н. А. Затем начался экзамен, который продолжался три часа. Сам Н. А. изложил детям рассказ для письменной работы, сам спрашивал по всем предметам, не исключая Закона Божия и славянского чтения, сам пересмотрел все письменные работы детей, их тетради и рисунки и, найдя все в порядке, присудил учителю высшую награду от земства, в 100 рублей. Что чувствовали отцы, видя и слыша все это, – решить трудно. А видели и слышали они, что дети их в какие-нибудь три зимы научились молиться Богу, толково передавали рассказы из Священной истории, бойко читали по-русски и славянски, умели грамотно написать слышанное, решали задачи, над которыми задумывались отцы, да еще умели начертить план хаты, мельницы, разбить поле на десятины; знали о полезных и вредных животных, насекомых и растениях. И таковы были все 70 школ уезда».

Сославшись затем на известную уже читателям статью г-на Кашина о несчастном положении школ Александровского уезда в дореформенное время, Д. Д. Семенов продолжает:

«Не то мы видим через пять лет по вступлении барона Корфа в члены училищного совета. Вместо двух сносных школ в уезде открывается до 70 прочно организованных, обеспеченных в материальном отношении, с приспособленными к учению школьными зданиями, с дельными учителями, с хорошими учебниками, наглядными пособиями, библиотеками и книжными складами».

Кроме указанных командировок от Кавказского учебного округа, к барону Корфу были и еще две: командировка учителя образцовой школы Кубанской учительской семинарии, выписанного из Петербурга, человека опытного уже в преподавании, и инспектора народных училищ Кубанской области. Сообщая об этих новых командировках барону Н. А. Корфу 12 февраля 1872 года, Д. Д. Семенов писал ему:

«Вероятно, оба они съедутся у вас в одно и то же

время (около начала марта), притом в самое благоприятное время, когда вы обыкновенно делаете весенние объезды и ревизии школ. Было бы особенным счастьем для них обоих и для Кубанской семинарии в особенности, если бы вы, Николай Александрович, придали своим объездам тот же характер, который имели эти объезды, когда я посещал ваши школы, т. е. не только бы производили общие испытания, но и взяли бы на себя труд дать образцовые уроки по всем предметам обучения, заставили бы как моего образцового учителя, так и своих учителей дать по нескольку пробных уроков и в заключение показали бы, как совместно, с тремя отделениями, должен заниматься учитель в течение целого дня. В заключение я был бы весьма признателен вам, если бы вы откровенно написали мне о том, чего еще недостает для будущего моего образцового учителя».

По поводу приведенных цитат из статьи и письма Д. Д. Семенова необходимо заметить, что они принадлежат педагогу большой школы и высокой пробы, т. е. бывшему сподвижнику К. Д. Ушинского в его преобразовательной деятельности по Смольному институту – человеку, немало потрудившемуся над подготовкой учителей для средних учебных заведений на бывших «Педагогических курсах» при второй с. – петербургской военной гимназии, справедливо пользовавшихся большим уважением и давших России немало весьма дельных педагогов, и впоследствии ставшему одним из руководителей по начальному образованию в Петербурге. Одно уже это избавляет нас от необходимости вдаваться в перечень описаний других лиц, посетивших школы барона Н. А. Корфа, видевших на месте и работу школы, и деятельность самого барона Корфа. Следует, однако, сказать, что все они в один голос свидетельствуют о блистательном порядке и благоустройстве школ, стройном и отчетливом ходе занятий в них, законченности и прочности организации. Словом, это в полном смысле образцовые школы. Более 20 лет тому назад эти школы, помимо разумных учителей и всех необходимых учебных пособий, имели еще и «садики», и «библиотеки», и «книжные склады», тогда как большинство не только тогдашних, но и нынешних народных школ все еще не может добиться этих необходимых при них «учреждений» или даже испытывает горькую нужду и в хороших пособиях, и в дельных учителях.

Заслуживает особенного внимания, что даже лица, обладавшие обширными общепедагогическими познаниями и большой опытностью в ведении школьного дела вообще, тем не

менее, находили для себя чему учиться у барона Корфа в отношении собственно народного образования, его организации, постановки и ведения и советовали отправляться к нему учиться другим лицам, тоже сведущим и опытным в школьном деле. Это, само собою, свидетельствует о большой трудности дела народного образования и оттеняет значение той заслуги барона Корфа перед всей Россией, которую он оказал отечеству как новатор, организатор и пламенный пропагандист великого дела просвещения народа.

Но как бы не доверяя себе, как бы желая еще более укрепиться во всех своих начинаниях в области народного образования, барон Н. А. Корф, несмотря на многосложность прямых своих обязанностей, предпринял еще объезд и осмотр длинного ряда учебных заведений, представлявших какую-нибудь характерную особенность по своей организации и постановке. Со многими из деятелей этих учебных заведений барон Корф вел деятельную переписку, – и они усиленно звали его, желая услышать от него авторитетную оценку. В 1871—1872 годах барон Корф посетил: элементарную школу Ильиных в Николаеве; начальные и воскресные народные училища города Харькова, а также и находящуюся там частную воскресную женскую школу, основанную дамским кружком и находящуюся под главным руководством известной деятельницы по народному образованию Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьев Милютиных под Москвою; воскресные школы московского общества распространения технических знаний; школу оборвышей Е. И. Чертковой в Петербурге; женские педагогические курсы П. И. Чепелевской в Москве; новгородскую и московскую земские учительские семинарии; наконец, комиссаровскую техническую школу в Москве. Эта масса осмотренных разнородных заведений была тщательно изучена им и описана в ряде статей, органически связанных между собою, хотя и помещенных в разных периодических изданиях: в «С. – Петербургских ведомостях», «Вестнике Европы», «Семье и школе» и «Народной школе». Помимо собственно педагогического значения этих статей, в смысле указания на хорошие и неудовлетворительные стороны осмотренных учебных заведений, они представляют большой интерес для оценки той эпохи, так как заключают в себе прекрасный анализ замечательного частного и общественного почина в деле учреждения самых разнообразных школ: начальных, воскресных, фабричных, технических, специально-рисовальных, школ для оборвышей и, наконец, семинарий для подготовления народных учителей и учительниц. Ничего этого не было раньше: все это как бы само собою явилось по почину

городов и земств, частных лиц и обществ. Русское общество поняло свою отсталость в деле образования массы и, видимо, торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояние общества прекрасно очерчено бароном Корфом, попутно указывающим, как поставлена за границей та или другая отрасль содействия массе населения в деле образования и чего недостает нам в том или ином отношении.

Статьи эти были собраны в одно и дополнены еще следующими статьями, в разное время появившимися в печати: «Быт крестьян, каким он отражается в письменных упражнениях учеников сельских школ», «Об инспекции народных училищ», «учительские съезды», «Программа народной школы», «Земские учительские семинарии», «Учительские семинарии» и «Об обязательности обучения в России». В общем, составилась, таким образом, объемистая книга «Наше школьное дело». Автор скромно назвал ее «Сборником статей по училищеведению», но это вовсе не случайные, отрывочные статьи, а органически связанные между собой, в смысле детального разъяснения и яркого освещения, что все будущее нашего народного образования всецело зависит от способов и средств проявления общественного почина и самодеятельности, от условий развития и самоусовершенствования народной школы, учительских семинарий и других воспособляющих учебных заведений в деле образования массы населения. «Наше школьное дело» существенно дополняет известный уже читателям труд барона Корфа по училищеведению – «Русскую начальную школу» – в бытовом, законодательном, дидактическом и общественном отношениях. Оба названных труда, в общей их совокупности, весьма полно обнимают собою теоретическую и практическую стороны училищеведения у нас, в России, давая вместе с тем и необходимое освещение этого дела за границей.

Такая энергическая, разносторонняя и плодотворная деятельность барона Н. А. Корфа была оценена интеллигентною частью русского общества с большой признательностью. В 1870 году, например, петербургское педагогическое общество избрало его своим почетным членом. В 1871 году Московский университет и московский комитет грамотности также избрали его в почетные свои члены. Во время приезда барона Корфа в Петербург, на исходе 1871 года, у него установились тесные и дружественные отношения со всеми лучшими представителями педагогической деятельности в столице. Не говоря уже о торжественном чествовании его педагогическим обществом как своего почетного члена, он был официально приглашен на заседание педагогических курсов при второй с. – петербургской военной

гимназии. В присутствии великой княгини Евгении Максимилиановны он давал уроки в острожной женской школе, в образцовой школе учительской семинарии петербургского воспитательного дома, в частной воскресной школе и многих других учебных заведениях. Кроме того, он имел свидание с Головниным, предшественником графа Толстого по управлению министерством народного просвещения, графом С. Г. Строгановым и многими другими лицами, проявлявшими живой интерес к делу народного образования и желавшими ближе познакомиться с педагогическими его воззрениями.

Заслуживает также внимания и следующий эпизод из этой поездки барона Корфа в Петербург. Еще в 1870 году он получил от графа Д. А. Толстого, бывшего в то время министром народного просвещения, письмо с выражением «искренней благодарности» за присылку ему «при письме» книги «Русская начальная школа». Собственноручным же письмом 27 ноября 1871 года граф Д. А. Толстой пригласил барона Н. А. Корфа «пожаловать к нему откушать 28 ноября в 6 часов». В этот день он имел продолжительную беседу с министром о положении и нуждах народного образования, о задачах и условиях его организации. В то время, как известно, граф Д. А. Толстой сам сильно склонялся в пользу введения обязательного обучения в России. Немудрено поэтому, если из собеседования с Толстым барон Корф вынес уверенность, что невежеству русского народа настал конец, что правительство решилось, не щадя никаких средств, идти по пути народного образования. Вообще, после поездки в Петербург, которого барон Корф прямо-таки не любил, он возвратился в свой родной уезд с самыми лучшими надеждами и ожиданиями, но здесь его ожидало жестокое разочарование. Темная местная землевладельческая сила не пожелала иметь барона Н. А. Корфа своим гласным и забаллотировала его на земских выборах. Вот что, между прочим, писал он 1 июня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, с которою находился в деятельной и дружеской переписке:

> «20-го мая я торжественно забаллотирован в уездные гласные двумя третями голосов на избирательном съезде землевладельцев Александровского уезда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяев и пожелать посредством баллотировки избавиться от честного человека. Огорчает меня не эта шайка, а то *безучастное* отношение к вопиющей наглости, отношение к ней со стороны 5—6 лиц, считавшихся порядочными и теперь не только позволивших

баллотировать себя после того, что в лице моем дана пощечина всем слугам дела, но и не промолвивших ни одного слова протеста. Нужно вам знать, что я был 6 лет гласным, секретарем собрания в 6 сессиях, три года членом ревизионной комиссии, три года председателем съезда мировых судей, *5* лет членом училищного совета; все эти должности я отправлял безвозмездно и пожертвовал за все время в пользу кассы школ уезда более 5000 рублей серебром. Не стану судить о том, принес ли я какую-нибудь пользу, но все признают, что я трудился на пользу земства с самоотвержением. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивным (человек 5), не только не мешало шайке выбросить за борт слугу дела, но из зависти и тщеславия, желая попасть в гласные, старались дружественно относиться к шайке, владевшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мне в зале, для того чтобы не повредить себе в глазах шайки. Но откуда же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и одним господином, который по моей инициативе не избран вновь в мировые судьи, успевши вооружить против себя все население своею судебною деятельностью. Итак, повторяю, что огорчает меня безучастное отношение к делу со стороны людей, которым я верил, которых я считал годными для дела и которые оказались тряпицами. Впрочем, и тут были отрадные исключения: все члены училищного совета объявили после моей баллотировки, что считают за позор дозволить баллотировать себя; впрочем, и то нужно сказать, что если бы они допустили баллотировку, то их бы прокатили непременно, так как баллотировалось то дело, которому они служили вместе со мною. Тем не менее, я убежден в том – и это меня утешает, – что в среде земских людей, после того, что я в течение 6 лет распинался за общее благо, нашлось три честных человека, три члена училищного совета, которые не сумели отнестись холодно и равнодушно к мерзости, происшедшей на выборах. Итак, нашего училищного совета и меня в совете с сентября этого года не существует. Ввиду того, что на учительский съезд потребовалось бы издержать 1200 рублей серебром, мы не решились произвести этого расхода, не уверенные в сочувствии ему со стороны плательщиков и будущих руководителей училищного дела, и съезд,

предполагавшийся на 8-е сентября, отменен. Само собою разумеется, что я не перестану служить делу народного образования словом и делом в тех местностях России, где пожелают услуг моих, и в печати. Само собою разумеется, что я не только не закрою той народной школы, попечителем которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но в уезде деятельность моя окончена: опыт состоялся; найдутся люди, то будет и дело, если не теперь, то со временем. В скором времени ожидают отделения части территории Александровского уезда к Мариупольскому, куда отойдет и мое имение; тогда будут новые выборы в гласные в обоих уездах, Александровском и Мариупольском; я буду баллотироваться в последнем и, если изберут, опять готов служить народной школе, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне расстроено. Впрочем, будущее впереди, а в настоящем совершился факт, еще раз доказавший мне, что у нас человеку прогрессивному нельзя рассчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тем дороже для меня те немногие друзья за пределами уезда, которыми я обладаю».

Друзей, однако, оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чем он думал. В печати дружно раздался крик негодования по поводу самодурно-самоуправного поступка землевладельцев Александровского уезда, проявивших самую низкую и черную неблагодарность к общественным заслугам барона Корфа, успевшим уже получить общерусскую известность и заслужившим признательность со стороны целого ряда ученых корпораций, наиболее компетентных в вопросах образования. Со всех концов России он был завален самыми горячими сочувствиями по поводу постигшей его неприятности и обиды. Тут были письма педагогов, частных лиц и общественных учреждений. Все в один голос признали, что та часть александровского дворянства, которая забаллотировала барона Корфа, положила «черные шары» самой же себе – в глазах всей мыслящей России навсегда осудила и опозорила себя, доказав лишь умственное и нравственное убожество свое, непонимание и недостоинство, неспособность стоять на высоте общественного служения. Вот, например, что писал барону Корфу известный педагог Евтушевский:

«Известие, прочтенное мною из газет, о сюрпризе, устроенном александровскому училищному совету, сначала меня сильно поразило; но потом, вспомнив, что

мы живем еще пока в диких дебрях, где встречается больше зверей, нежели людей, я успокоился, так как различные курьезы на Руси довольно часты. Со своей же стороны я имею только к вам, многоуважаемый Николай Александрович, большую просьбу: несмотря на пошлости, вас окружающие, и несправедливости, которыми вам платят за великое, честное и доброе ваше дело, не бросайте этого дела. Поверьте, что есть гораздо больше таких людей, которые благодарят вас душевно теперь и всегда будут чтить вашу память как человека, действительно сделавшего доброе дело» (14 июня 1872 г.).

Мотив этого письма из Петербурга замечательно совпадает с мотивом адреса Бахмутского уездного училищного совета барону Корфу по поводу его забаллотировки. Правильно охарактеризовав значение его деятельности как для целого уезда, так и для всей России, бахмутский училищный совет говорит далее в своем адресе:

«Факт, так неожиданно совершившийся 20-го мая 1872 года, ясно говорит сам за себя, и особенно он понятен для нас, служащих и трудящихся на одном с вами многотрудном поприще начального народного образования… Совершившееся у вас событие не могло не произвести на вашу благородную душу впечатление самое тяжкое не в смысле личной обиды и оскорбления, а ввиду тех важных и великих по своим последствиям потерь, которые в подобных случаях и при подобных обстоятельствах терпит наш простой народ».

Выразив затем уверенность, что барон Корф «снисходительно отнесется к делу, которое совершилось и может повториться под влиянием непреодолимых еще обстоятельств самого грустного свойства», бахмутский училищный совет продолжает:

«Оставшиеся при вас и с вами неотъемлемо Богом данные вам гениальные способности и практический верный взгляд на дело начального образования, ваше в нем особое уменье, этот внутренний, счастливый, стройный порядок душевных ваших сил в состоянии явить нашему краю и всему отечеству, что для истинного гражданина, истинного сына отечества не сильны преграды, воздвигаемые иногда по недоразумению, а иногда и по другим причинам».

Но у барона Корфа нашлись друзья не только за пределами, но и в пределах уезда. Забаллотированный дворянами, он был выбран в земские гласные из пяти избирательных уездных крестьянских съездов в трех съездах, и притом подавляющим большинством голосов. Факт тем более отрадный и назидательный, что он произошел не только без малейшей агитации со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствии его в Александровском уезде, так как немедленно после забаллотирования на съезде землевладельцев он уехал по делам в Екатеринослав.

Указанное единодушие крестьян при избрании барона Корфа в гласные вызвало задушевный отклик со стороны попечителя Кавказского учебного округа Неверова, который все еще находился с ним в деятельных связях, продолжая командировать в Александровский уезд новых и новых деятелей по народному образованию, так как от таких командировок была явная польза для успехов народного образования на Кавказе. В письме от 3 июля 1872 года Неверов, выражая барону Н. А. Корфу «глубочайшую благодарность» за ту «предупредительность», с которой он знакомил кавказцев с устройством своих школ и их ходом, а также и за «чисто русское радушие», говорит далее:

> «При этом случае позволяю себе высказать то душевное наслаждение, с которым я прочел в газетах известие, что если вас не пожелали или не умели оценить помещики, то единодушный выбор вас крестьянами в свои представители ясно показал, что благотворная ваша деятельность на пользу народного просвещения вполне оценена народом русским. А это – не сомневаюсь в том – в глазах ваших и всех понимающих и сочувствующих вам, конечно, выше и дороже всего. Да даст вам Бог силы и здоровья трудиться на этом поприще, на котором вы стяжали вполне заслуженное вами сочувствие и уважение».

Единодушие, с которым крестьяне избирали барона Корфа (конечно, не без противодействия со стороны тайных его недоброжелателей),– факт единственный в летописях нашего общественного управления, и притом в высшей степени поучительный. Крестьяне, очевидно, понимали, за что именно выбирают они барона Корфа, для чего, собственно, необходим он им как гласный земства. Значит, у крестьян было уже сознательное отношение к народному образованию, была органическая связь с народными школами, насажденными неусыпными трудами и заботами барона Н. А. Корфа.

Глава VIII. Пребывание за границей

Переезд барона Корфа за границу и действительные причины переезда. – Служение делу русского народного образования из-за границы. – Ошибка биографов барона Корфа в оценке его деятельности во время пребывания за границей. – «Руководство к наглядному обучению» и «История Востока, Греции и Рима – для обучения и самообразования». – Женевская семейная школа барона Корфа и личные его дела. – Избрание в почетные члены Женевскою академией наук.

Блестящее избрание барона Н. А. Корфа на трех крестьянских съездах не только затмило и посрамило недостойную выходку со стороны крупных землевладельцев, но и дало ему должное нравственное удовлетворение. Значение этого удовлетворения было тем полнее, что, как мы уже знаем, оно было поддержано дружным сочувствием всей мыслящей части русского общества. Тем не менее, барон Корф в 1872 году прервал свою деятельность в Александровском уезде, уехал с семейством в Швейцарию, поселился в Женеве и жил там до 1880 года. Этот факт и при жизни, и после смерти барона Корфа оставался необъясненным, потому и вся последующая его деятельность представлялась неясной. Между тем разобраться в причинах, побудивших барона Корфа на такой резкий шаг, вполне возможно.

Некоторые полагают, что главной причиной разрыва барона Корфа с земщиной служит то «одиночество», в котором он почувствовал себя в своем родном уезде. Конечно, ему тяжело и горько было почувствовать это, но он был уже слишком опытен и закален в общественной деятельности, чтобы смутиться одиночеством. В сущности, и тогда, когда он предпринимал организацию народного образования, и во все последующее время он всегда был *один в* смысле почина. Если почин этот приводил к блестящим результатам, то это еще вовсе не значит, будто бы успех давался барону Корфу без борьбы. Напротив, в имеющейся, например, в нашем распоряжении переписке барона Корфа сохранилась пачка писем, от 1867 до 1870 года, принадлежащих Ч-скому.

Даже теперь, спустя уже четверть века, трудно читать без негодования эти письма: так много в них сплетен, инсинуаций, угроз, зависти, злобы и дерзости – по поводу, скажем, такого невинного факта, как открытие русской школы в одной из немецких колоний. И это, конечно, только пример, но не исключение. Не следует забывать, что в то время как в Александровском уезде и некоторых других местностях империи

благодаря земству множились школы, в других местах или бездействовали, или даже принимали меры противодействия какому бы то ни было насаждению образования. Так, например, Новомосковский и Павлоградский уезды той же Екатеринославской губернии как бы даже фрондировали своей постыдной бездеятельностью вообще и полнейшим игнорированием народного образования в частности. Один из корреспондентов барона Корфа, Н. Крылов, в письме от 13 октября 1869 года сообщал, что в Алатыре, Симбирской губернии, одновременно были закрыты все частные учебные заведения, при отсутствии в городе каких бы то ни было других учебных заведений… И в Александровском уезде таких гонителей образования было не занимать стать. Но барон Корф умел, искренне или неискренне, привлекать их на свою сторону, как он в конце концов сделал это и с Ч-ским. Он одержал также полную, блистательную победу и над всеми своими противниками по выборам 1872 года. Уже в бытность в Женеве, в 1873 году, он получил благодарственный адрес от Александровского училищного совета и такой же адрес от всего земского собрания этого же уезда. Этот последний адрес был составлен по единогласному постановлению собрания, т. е. при участии тех же самых лиц, которые забаллотировали его. Впоследствии же Александровское уездное земское собрание, по предложению гласного Н. Карышева о необходимости привлечь к делу народного образования «человека, много потрудившегося на этом пути и могущего научить многому других», *«встало* и *единогласно»* постановило: «Просить глубокоуважаемого барона Корфа принять звание почетного члена Александровского уездного училищного совета и войти с ходатайством в министерство народного просвещения об утверждении его в этом звании».

К этому нужно еще прибавить, что в 1873 году барону Корфу была присуждена золотая медаль за его литературную и непосредственную деятельность по народному образованию. Таким образом, в общей совокупности приведенных фактов нельзя не прийти к выводу, что недостойные выходки землевладельцев Александровского уезда способствовали лишь еще большему возвышению барона Корфа в глазах общества, и он получил самое полное нравственное удовлетворение. Значит, со стороны неблагоприятного выборного эпизода не могло быть препятствий к продолжению бароном Корфом земской службы.

Точно так же ошибочно думают некоторые, будто бы одним из главных препятствий в этом отношении было изменение территориальных границ между Александровским и

Мариупольским уездами. Положим, в письме из Женевы от 4 июня 1873 года барон Корф действительно говорит: «В настоящее время я уже отрезанный ломоть от того дела, на которое пошли лучшие годы моей жизни: новые границы уезда лишили меня официального голоса в Александровском уезде». Но в этом же письме он прибавляет далее, что «различные обстоятельства побудили меня *служить родному школьному делу только путем печати*». Если знать ход школьного законодательства и печатные труды барона Корфа, то «обстоятельства», на которые он ссылается, будут понятны сами собою. Разъяснить их в высшей степени необходимо, так как такой почтенный земский деятель, как Гнедин, один из лучших и деятельнейших сподвижников Корфа по народному образованию в Александровском уезде, очень грубо ошибся в отношении истинных мотивов отказа барона Корфа, сказав в своих «Воспоминаниях», законченных еще в 1879 году, следующее:

> «Своим отказом Корф оскорбил как общество, избравшее его, так и самое дело, которому он служил. Если можно оправдать отказ Корфа, то разве тем, что забаллотировка сильно потрясла его нервы и способствовала развитию его болезни – образованию желчных камней. Но это стало известно только впоследствии, вначале же его отказ фраппировал всех благомыслящих людей, и даже друзья Корфа не находили оправдания его поступку».

Но если друзья были так ненаходчивы в «оправдании», то, повторяем, обстоятельства дают Корфу не только самое полное и блестящее оправдание, но даже и одобрение. Вот сущность дела.

«Положением о народных училищах» 14 июня 1864 года земским учреждениям была предоставлена полная самостоятельность в деле народного образования, так что даже выбор председателей училищных советов был предоставлен земским собраниям. Эта благоразумная децентрализация распорядительно-исполнительной власти дала возможность к проявлению на местах частного и общественного почина и самодеятельности в области народного образования, благодаря чему последнее и начало постепенно выходить в земских губерниях из состояния летаргии. Только в силу предоставленной земству самостоятельности барон Корф, не принадлежа к патентованным педагогам, оставаясь простым земским деятелем, мог выступить в роли организатора разумной народной школы и дать толчок этому делу на всю империю. Но затем обстоятельства круто изменились. В начале 70-х годов последовала инструкция

инспекторам народных училищ как обязательное для всех распоряжение. Инструкция эта коренным образом изменяла весь порядок открытия народных школ, заведования и руководства ими, как это было установлено «Положением» 14 июня 1864 года. Строго говоря, за земством оставалось только право ассигнования денег, забота о помещении, отоплении и освещении школ, без всякого контроля учебно-воспитательной деятельности в них, без права влиятельного голоса в выборе, назначении и увольнении педагогического персонала народных школ.

Барон Корф первым почувствовал на себе последствия нового порядка вещей. В инструкции, например, в отношении съездов, говорится: «В случае учреждения съездов народных учителей на инспектора возлагается как наблюдение за их действиями, так и сообщение им надлежащих советов, указаний и наставлений». Руководствуясь буквой инструкции, администрация Одесского учебного округа не разрешила в 1871 году барону Корфу руководить съездом народных учителей Александровского уезда. Таким образом, то самое лицо, которое впервые пропагандировало в России идею съездов и практически осуществило их, годичные «Отчеты» которого, а также и инструкции народным учителям печатались на страницах «Журнала министерства народного просвещения», – это лицо оказалось бесправным в деле, созданном его умом и энергией, с громадной пользой и славой руководимом им в течение целого ряда лет. Как бы для наглядного подтверждения несправедливости такого порядка дела произошел следующий фатальный случай. Съезд, долженствовавший состояться в Александровском уезде под руководством народного инспектора, не мог состояться по причине его смерти. И барон Корф, самостоятельно, в силу полномочий земства созывавший прежде съезды местных народных учителей, теперь уже не имел права сделать этого ввиду инструкции, так как он был не инспектором народных училищ, а только членом училищного совета, хотя в этой скромной роли он, можно сказать, руководил народным образованием во всей империи, и к нему приезжали учиться не только инспекторы народных училищ, но и лица, руководившие обучением и воспитанием народных учителей.

Со вступлением в силу инструкции инспекторам народных училищ у барона Корфа выпало из рук живое дело народного образования, в смысле непосредственного служения, которому он отдавался беззаветно, с таким самоотвержением. В роли простого земского деятеля, т. е. члена училищного совета, за ним согласно «Положению о народных училищах» оставалось право «наблюдения за преподаванием»; но, по инструкции инспекторам,

«все преподаватели народных училищ состоят в учебном отношении под ближайшим надзором инспектора», которому вдобавок предоставлена также полная власть в отношении определения, перемещения и увольнения народных учителей. Понятно поэтому, что как бы ни «наблюдал за преподаванием» член училищного совета, но каждый из учителей будет рабски послушен тому, что прикажет ему инспектор.

Все это было разъяснено в свое время бароном Корфом в периодической печати, в статьях «Об инспекции народных училищ» и «Учительские съезды», которые и вошли в книгу его «Наше школьное дело». Заглянув в эти статьи, полные жизненного интереса и значения вплоть до наших дней, каждый легко может убедиться, что еще задолго до баллотировочного эпизода барон Корф совершенно ясно понимал критическое положение своей земской деятельности по народному образованию. Хотя первоначальное «Положение о народных училищах» и оставалось неотмененным, но уже недоставало, так сказать, физического места для проявления земской деятельности барона Корфа в фактически существовавших прежде ее размерах. В деле, самостоятельно созданном, направляемом и руководимом, ему приходилось смотреть из чужих рук, занять положение зависимое, подневольное, быть в роли опекаемого, испрашивать разрешений.

И если бы не случилось такой метаморфозы, гидра темной силы Александровского уезда никогда не рискнула бы взять под сомнение дело народного образования, не стала бы чернить это дело в связи с бароном Корфом. По своей безупречной честности, по своей энергии и умственному превосходству, по тому громадному влиянию, которое более и более завоевывал себе барон Корф, он с первых дней своей общественной деятельности был глубоко ненавистен для местной темной силы. Не занимая никаких платных должностей по земству, служа ему, что называется, своею головою, он вместе с тем уничтожал в самом зародыше малейшее поползновение с чьей бы то ни было стороны к обращению земства в «общественный пирог». А такими именно поползновениями и была проникнута «гидра». Но барон Корф был неуязвим, пока оставался под защитою «Положения» 14 июля 1864 года в отношении народного образования. И как только «Положение» не в состоянии уже было более ограждать именно дела рук барона Корфа, на него и набросилась темная сила, увлекшая своим течением людей индифферентных и малодушных. И хотя он одержал полную и блистательную победу в общем результате выборов в земские гласные, тем не менее, ясно было, что в руках его противников остается самое сильное

орудие против него – самоуправное ломанье и коверканье созданного им дела народного образования, чего они не смели делать раньше, но в чем он теперь не властен был уже помешать им, так как не его уже просвещенный авторитет, а санкция и усмотрение народного инспектора будут руководить делом. Оберегая судьбу дорогого ему дела, он отказался от него и тем действительно спас его. Как удостоверяет Д. Т. Гнедин в своих «Воспоминаниях», «весь порядок, заведенный Корфом, поддерживался на том лишь основании, что, дескать, мы и без Корфа справимся. Действительно, по народному образованию земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло». Но не то, конечно, было бы, если бы барон Корф оставался при деле. Значит, отказ барона Корфа, выход его из земства есть своего рода самоотвержение и заслуживает высокого одобрения.

Таковы действительные причины переезда барона Корфа за границу, в Женеву, в октябре 1872 года, где он и прожил около 8 лет, с кратковременными приездами в Россию. Так оборвалась беспримерно блестящая и производительная деятельность этого великого и даровитого общественного работника на пользу общерусского народного образования. Тяжел и мучителен был этот перерыв для барона Корфа не только в смысле устранения от общественной деятельности, которой так жаждала его энергичная, широко одаренная натура, но даже и в смысле потери под ногами русской почвы, так как он был «почвенником» самой «чистой воды» и высокой пробы. Вот что говорит он, например, о себе в своих «Посмертных записках»:

> «Сознаюсь, что тосковал я за украинскими степями не только в Петербурге, отталкивающем и однообразием природы, и климатом, и еще кое-чем, но из Женевы, где, стоя на берегу живописнейшего озера, не мог я не признавать того, что куда же равняться с такою красавицею моей унылой и часто неприглядной южнорусской степи, но родная мне эта последняя, и не променяю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченные заходящим солнцем снежные вершины».

Чтобы заглушить эту естественную тоску по родине, барон Н. А. Корф с необычайною энергией принялся за перо на пользу излюбленного им школьного дела. Как видно из письма его к Х. Д. Алчевской от 8 мая 1873 года, за шесть с половиной месяцев пребывания в Женеве он написал три статьи для «Вестника Европы», три статьи для «Народной школы», семь статей для «Недели» и 18 «Писем на родину» в «С. – Петербургские

ведомости». Все это в общей сложности составляет более 20 печатных листов, всецело посвященных России и русскому школьному делу, так сильно нуждавшемуся в просвещенном руководстве и так кстати продолжавшему получать его от барона Корфа, оказавшегося «волею судеб» не у дел.

Живо отзываясь по поводу практического хода русского школьного дела и движения законодательства по этому предмету, барон Корф занялся вместе с тем и систематическим ознакомлением русской публики, путем публикаций в печати, с современным состоянием народного образования за границей. Дельные, страстные, блестящие статьи его по этому предмету были впоследствии собраны им, несколько переработаны применительно к педагогическому отделу Всемирной парижской выставки 1878 года и изданы в 1879 году отдельной брошюрою под заглавием «Итоги народного образования в европейских государствах». Нужно заметить при этом, что барон Корф еще раньше посетил венскую Всемирную выставку, происходившую в 1873 году, и подробно описал ее в свое время в «Вестнике Европы». Рассматривая педагогический отдел парижской выставки 1878 года, он оценивает его по сравнению с соответствующими отделами на прежних выставках, начиная со второй парижской, в 1867 году, на которой впервые состоялась попытка организовать международное педагогическое состязание. Ввиду этого «Итоги народного образования», представляя объемистую брошюру, плотно напечатанную, дают очень яркую и выразительную картину положения, хода и условий деятельности народного образования не только в одной Европе, но на всем белом свете, до Австралии и Сандвичевых островов включительно. В этом отношении вышеназванная брошюра имеет незаменимое значение в нашей школьной литературе.

Именно потому, что барон Корф документально знал все, что касается дела народного образования, и отчетливо понимал отсталость России в этом отношении по сравнению с другими народами и странами, он с такою страстью относился к этому делу первостепенной государственной важности, беззаветно и безраздельно отдавался ему и писал о нем не иначе как *соком своих нервов*…

Порвав непосредственную связь с русской народной школой, он сосредоточил свое внимание главным образом на устранении, путем публикаций в печати, всех тех погрешностей и недоразумений, которые так или иначе могли помешать правильному ходу народного образования. Одна за другою выходили из-под его пера горячие статьи, посвященные действительно животрепещущим вопросам в этой области. То он с

увлечением доказывает и разъясняет необходимость согласования интересов общего и прикладного первоначального образования, так чтобы эти отрасли не смешивались в одну, а развивались бы самостоятельно и параллельно. То он пламенно приветствовал и пропагандировал крестьянские школки грамотности, справедливо видя в них возможность выделения простой грамоты в самостоятельную отрасль первоначального обучения, которое, несомненно, может быть поставлено как обязательное обучение даже и при наших скудных государственных и общественных материальных средствах. Но главною темою статей Корфа за этот период времени было отстаивание земских прав в деле народного образования.

Поводом к этому послужило новое положение о народных училищах, т. е. устав 1874 года, окончательно уничтоживший тот порядок отношения земства к народному образованию, который первоначально был установлен «Положением» 14 июля 1864 года. Произошло именно то, что предвидел барон Корф двумя годами раньше и против чего энергично предостерегал. Дело, начатое инструкцией инспекторам народных училищ, было завершено уставом. Теперь уже земства не избирали более председателей училищных советов, так как обязательными председателями были предводители дворянства. Земство окончательно было отдано в опеку местной администрации по народному образованию, так что без ведома и разрешения последней не смело даже рассылать по своим народным школам книг и учебных пособий, хотя бы даже и одобренных специально для этой цели. В большом ряде статей (например, «Народная школа в руках крестьянского земства», «Об инспекции народных училищ», «Учители и помощники» и других) барон Корф фактами доказывал неблагоприятное влияние нового порядка вещей и прозорливо предсказывал возможность совершенно индифферентного отношения общества к этому животрепещущему делу первейшей государственной важности. Впоследствии эти и другие статьи барона Корфа вышли в свет отдельной книгою – «Наши педагогические вопросы» (1882 г.), о которой мы скажем несколько ниже.

Оглядываясь на обширную, разностороннюю, очень отзывчивую литературную деятельность барона Корфа во время пребывания его за границей, нельзя не согласиться, что он по-прежнему и всецело продолжал служить интересам России и русского просвещения, как обещал это в известном уже нам письме к г-же Алчевской. В этом же письме он, между прочим, высказал уверенность, что, «имея время для литературных занятий», он принесет «печатным словом больше пользы России»,

чем прежней своей деятельностью. Хотя отстранение барона Корфа от непосредственного служения народному образованию и было несомненным ущербом для последнего, тем не менее, оставаясь за границею, он с пером в руках продолжал приносить весьма существенную пользу. Добровольный эмигрант будил во всей России интерес к народному образованию и в этом направлении руководил общественным мнением с такой твердостью, постоянством и успехом, как никто и никогда. Благодаря именно этому иной раз не только в печати и обществе ощущалось биение школьной идеи, но и самое дело народного образования, несмотря на неблагоприятный оборот в его постановке, продолжало шириться и расти, улучшаться, совершенствоваться во всех отношениях, при деятельном участии земства, остававшегося верным традициям «Положения» 14 июля 1864 года, наперекор всевозможным «препонам» и противодействиям. Заглянув в «Земские ежегодники», в «Извлечения из всеподданнейших отчетов министра народного просвещения» и в школьную статистику центрального комитета, нетрудно убедиться, что именно 70-е годы были временем наибольшего развития у нас дела народного образования. И мы обязаны этим как первоначальному энергическому толчку, данному бароном Н. А. Корфом в пору деятельности его в Александровском уезде, так и еще более той энергии и бдительности, с которыми он следил за народным образованием во все последующее время с пером в руках.

Говоря *«еще более»,* мы нисколько не рискуем впасть в преувеличение. Установленный министерством народного просвещения контроль за народным образованием был крайне односторонне принят и применен во многих местах с явным ущербом для успехов народного образования. Дело, например, доходило даже до того, что некоторые из инспекторов официально требовали, чтобы учителя народных училищ «перед каждым уроком составляли конспект и подшивали его к делу», чтобы они «не смели возбуждать никаких вопросов изустно, при посещении училища инспектором, но обращали их к нему не иначе как письменно». Мало того: в одном из учебных округов последовало распоряжение, чтобы «учителя в особой книге ежедневно выставляли баллы или отметки (от 0 до 5) всем ученикам за их успехи», что физически невозможно в народной школе и совсем уже непедагогично. Наконец, взаимные отношения между земством и местной учебной администрацией обострялись иногда до такой степени, что возникали даже специальные «дела о пререканиях» управы с учебной администрацией. И «пререкания» эти бывали весьма

существенного свойства. Инспекторы иногда своею властью ограничивали число учащихся в школах пятьюдесятью человеками, не допуская почему-то приема большего количества даже и в том случае, если фактически была доказана способность учителя вести школу с большим числом учащихся. Переводя учителей с места на место, без объяснения иной раз причин, они десятками увольняли их, совершенно игнорируя при этом практикой доказанную педагогическую правоспособность увольняемых и руководствуясь лишь отсутствием официального свидетельства о звании народного учителя, которого (т. е. свидетельства) не имел, как известно, и барон Н. А. Корф – этот учитель русских народных учителей. Случалось, что школы подолгу оставались без книг и учебных пособий, так как некоторые из инспекторов ставили непременным требованием, чтобы ни одна книга, хотя бы и одобренная специально для народных училищ, не поступала туда без надписи на ней инспектора. Земские тюки с книгами для народных школ на несколько тысяч рублей направлялись предварительно к инспектору, и у него образовывалась чудовищная залежь школьных учебников и книг. Антагонизм между земствами и учебною администрацией доходил до того, что инспекторы отрицали право земства хотя бы на простое ознакомление с годовыми их отчетами и отказывались сообщать их земству.

Эти и подобные им факты, с точным обозначением местностей, времени и действующих лиц, читатели найдут в книге барона Корфа «Наши педагогические вопросы». Книга эта служит воплощением того, как горела и болела душа Корфа о невзгодах родного нашего школьного дела. Вместе с тем книга эта представляет и вечный памятник талантливости, такта и энергии, с которыми он боролся за дорогое ему дело. И – повторяем – это была замечательно успешная борьба, судя по практическим ее результатам. Следуя характеру указанных выше фактов, дело, по-видимому, принимало такой оборот, что народное образование могло даже окончательно затормозиться и заглохнуть; в действительности же – как сказано уже – оно неуклонно шло вперед и разносторонне развивалось. И мы обязаны этим, главным образом, тому беспримерно пламенному увлечению, с которым барон Корф будил и поддерживал в обществе школьную идею, – тому авторитету, с которым он указывал на односторонние увлечения и ошибки, вредные для дела, опираясь на глубокое знание народного быта, условий нашей общественной деятельности и положения народного образования в западноевропейских государствах. Эти указания, горячо и с убеждением высказанные, способствовали

сглаживанию шероховатостей, порожденных неведением и слишком крайним усердием не по разуму, и в результате общерусской деятельности по народному образованию получился не минус, а *плюс,* при большом притом подъеме интереса к этому делу во всей мыслящей части общества.

Эта заслуга со стороны барона Корфа на пользу просвещения России не только не оценена по достоинству его биографами, но, к сожалению, даже вовсе затушевана ими. Если деятельность его во время пребывания за границей не имеет того блеска, которым отличалась она раньше, то сущность и энергия этой деятельности ни в каком случае не уступают предшествовавшим его трудам. Размеры этой деятельности тоже поразительны.

Оторвавшись от непосредственного служения народной школе в роли педагога, барон Корф не забыл, однако, о повседневных ее нуждах и злобах. Тщательно перерабатывая каждое последующее издание «Нашего друга» соответственно росту народной школы и ее потребностей, он, кроме того, перевел «для семьи, народной школы и реального училища» капитальный труд Ф. Гардера «Руководство к наглядному обучению» в двух объемистых частях. Это ценный вклад в нашу учебную литературу.

Значение «Руководства» барон Корф совершенно правильно определяет так:

> «Эта книга, предлагая чрезвычайно обильный материал по анатомии, физиологии, ботанике, минералогии, географии, физике, при постоянном стремлении автора повлиять научною беседою на нравственность детей, предназначается лишь для матерей и учителей, сохраняя полную свободу действия за последними. Народный учитель, не имея возможности располагать библиотекою, найдет в предлагаемом руководстве весьма богатую по содержанию справочную книгу, по которой он может готовиться не только к урокам „Наглядного обучения“, но и к урокам чтения по всякой книге для чтения, основанной на реальных знаниях; встречая в этой книге несколько прекрасных образцов преподавания и множество тем для ученических сочинений и бесед с учащимися, учитель, вдумавшись в обильный материал, предлагаемый Гардером, изберет лишь то, что признает пригодным, сообразно времени, которым располагает, и силам учащихся. Так поступит и мать, которая не раз прибегнет к книге Гардера и для того, чтобы отвечать на вопросы

ребенка, которого еще не обучают по книгам, но который учится из жизни и ищет помощи у матери своей для разъяснения множества вопросов, ежедневно занимающих развивающиеся умственные силы. Не раз мать и учитель воспользуются книгою Гардера даже как книгою для чтения в классе, с тем ли, чтобы дать самую книгу в руки учащимся, внимательно обсудив, которые именно из статей годятся для самостоятельного и классного чтения».

Вслед за выходом в свет второй части «Руководства» в 1878 году, барон Корф выпустил новый свой труд под названием «История Востока, Греции и Рима – для обучения и самообразования». Как было уже сказано выше, истории была одним из любимых предметов барона Корфа, которым он очень усердно и вдумчиво занимался и в лицейскую пору, и во время последующего самообразования. Результатом этой самостоятельной переработки обширного исторического материала и явилась названная книга, предназначенная автором «не только для учащего и учащегося мира, но и для прочтения публикою». И эту оригинальную и дельную книгу действительно нельзя не рекомендовать «для прочтения». Как справедливо говорит автор в предисловии к своей «Истории»:

> «Это – не новое историческое исследование по источникам, но в *методическом отношении* совершенно *самостоятельный* опыт изложения истории на основании лучших научных сочинений по этому предмету, не имеющий себе образца ни в отечественной, ни в иностранной литературе. Эта книга, не чуждаясь заимствований, есть, тем не менее, результат десятилетнего преподавания автором всеобщей истории не детям, которым, по мнению автора, доступны лишь биографии, – но юношеству; эта книга – результат жизни автора и посильной оценки им событий древнего мира и раньше его о них высказанных мнений».

Оригинальность этого «опыта» удачно охарактеризована автором следующими словами Лекки, поставленными эпиграфом к «Истории»: «История – не просто ряд событий, только хронологически между собою связанных, но сцепление причин и последствий». Именно анализу этого «сцепления» и посвящена «История» барона Корфа. Эта «История» была едва замечена нашей педагогической критикой; между тем она несомненно заслуживает большого внимания как труд выдающийся,

замечательный не в одном только «методическом отношении»…

Но где же и когда именно преподавал барон Корф историю «юношеству» в течение десяти лет? Такой вопрос неизбежно должен появиться у читателей. Да, в нашем изложении есть невольный пробел. Следя за бароном Корфом как выдающимся и разносторонним общественным деятелем, мы не имели возможности касаться его семейной жизни, заслуживающей, однако, тем большего внимания, что она представляет, можно сказать, одно неразрывное целое с общею его деятельностью на пользу всего русского учебного дела. Лишенный в детстве нежной любви и ласки, барон Корф заполнил ими свою семью и был идеально хорошим отцом и мужем. Он сам руководил образованием и воспитанием своих детей, т. е. двух дочерей. Первая учебная книга его («Руководство к обучению грамоте по звуковому методу») была составлена им для своих же детей и впоследствии переработана и применена им к употреблению вообще в школе и дома, т. е. к обучению и детей, и взрослых. Лично занимаясь и во все последующее время образованием своих детей, барон Корф со времени переезда на житье в Женеву, когда старшей дочери его исполнилось уже 14 лет, основал там свою домашнюю русскую семейную школу. В этой-то школе, вместе с другими преподавателями, барон Корф занимался и сам, давая ежедневно уроки по разным предметам, в том числе и по всеобщей истории. Об этой школе, просуществовавшей не менее семи лет, принято говорить, невесть почему, что она будто бы «не имела успеха». Но о каком именно «успехе» идет речь? Если в образовательно-воспитательном отношении, – то смело можно сказать, что успех ее был полным и несомненным. Это была бесспорно лучшая из школ, когда-либо существовавших, с самой разной программой преподавания, самая свободная и независимая от предрассудков. О высокой разумности этой школы можно судить уже, между прочим, и по книге барона Корфа «История Востока, Греции и Рима», исполненной глубокого политического и философского смысла, равно как и разумного практического значения, имея в виду очень яркое и верное освещение настоящего прошлой жизнью человечества. Не сомневаюсь, настанет время, когда лица, учившиеся в «семейной русской школе барона Корфа» в Женеве, будут вспоминать о ней с еще большей благодарностью и признательностью, чем вспоминал он сам о школах в семье Градовского и у Филиппова. Но несомненно, конечно, и то, что в *стяжательном* отношении семейная школа барона Корфа не выдерживала никакой критики и существовала едва ли даже не в убыток ее основателю, руководителю, первому и главному работнику. Но такова уж

судьба барона Н. А. Корфа – этого энтузиаста и фанатика в сфере общественной деятельности, – что для него словно не существовало личных его дел. Всегда и весь для других, деятельно вращаясь в сутолоке «мира сего», он, в смысле личных интересов и выгод, был, в сущности, человеком «не от мира сего». Поглощенный, увлеченный идеями и стремлениями высшего порядка, вопросами и задачами общих польз и нужд, он как бы даже совершенно не замечал положения и хода своих материальных дел. Еще в бытность в Александровском уезде, чрезмерное увлечение общественной деятельностью отразилось довольно чувствительным расстройством его дел по имению. Но это нисколько не обескуражило его и, – как мы знаем уже, – нимало не изменило характера его деятельности и увлечения раз избранным делом. Веря в свои знания и силы, он никогда не сомневался в возможности прожить честным трудовым заработком. Менее всего, конечно, интересовался он своей семейной школой с точки зрения материальных выгод. Он устроил ее с целью наилучшего образования и воспитания своих дочерей совместно с детьми других русских семейств, проживавших за границей. В этом отношении школа вполне достигала своей цели, и он был доволен. Как только по семейным делам не представилось более надобности в школе, он ее закрыл.

Время пребывания барона Корфа за границей было вместе с тем и временем очень деятельных отношений его с западноевропейскими педагогами, которые знали его больше, чем кого-либо из русских педагогов, и высоко ценили его педагогическое дарование. Во время пребывания в Женеве барон Корф, как по своему общению с местной педагогической, ученой и вообще интеллигентной средою, так и по своей семейной школе, был настолько видной величиной, что Женевская академия наук (Institut) избрала его своим почетным членом.

Глава IX. Последние годы деятельности

Труды барона Корфа в Мариупольском и Бердянском уездах. – Возвращение из-за границы. – Проверка знании взрослых, крестьян и воскресные повторительные школы. – Значение книги барона Корфа «Наши педагогические вопросы». – Херсонский съезд учителей и его особенности. – Неудача московской кандидатуры барона Корфа и влияние на него этой неудачи. – Смерть.

Как сказано уже выше, пребывание барона Корфа за границей не было беспрерывным. Так, например, в 1873 году он был вызван мариупольским земством Екатеринославской губернии для руководства съездом народных учителей. Воспользовавшись пребыванием его в России, бердянская уездная земская управа Таврической губернии пригласила его обозреть ее школы и дать о них свое заключение. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношению земской управы эта педагогическая экскурсия принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотреть только 17 школ в этом уезде и произвести испытания более 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшие ему в этой экскурсии, в каждую из посещаемых им школ приглашали учителей из соседних сел. В их присутствии барон Корф давал образцовые уроки по тем именно предметам, которые в ней оказывались слабыми. В заключение же был представлен подробный отчет земскому собранию, который был напечатан им и разослан по школам в виде меры воздействия на учителей. Под влиянием личного руководства барона Корфа и его отчета в Бердянском уезде в 1873 году были составлены две инструкции, направившие дело народного образования на рациональный путь: одна инструкция – от местного училищного совета – касалась порядка преподавания, размера учебного курса, выбора руководств, – словом, собственно педагогической стороны дела; другая же инструкция – от имени уездной земской управы – касалась времени начала и окончания учебных занятий, отношения учителей к местному обществу и земству и разных других организационных и хозяйственных сторон школьного дела. Благодаря этим земским мероприятиям, а тем более – личному руководству барона Корфа, указаниям и советам, преподанным им в своем «Отчете» земскому собранию, народное образование в Бердянском уезде получило такое быстрое,

энергичное и прочное развитие, каким не может похвалиться буквально никакая другая местность в России, не исключая даже столичных и наиболее богатых провинциальных городов. В 1880 году, например, т. е. через семь лет после посещения бароном Корфом, вполне благоустроенных русских народных школ в этом уезде было около 100, более чем с 7500 учащихся; годичный расход земства на народное образование достигал 75 тысяч рублей, не считая 10 тысяч рублей, издерживаемых сельскими обществами, и 32 тысяч рублей, расходуемых немецкими колонистами на собственные школы, во многих из которых преподается и русский язык. К этому нужно прибавить еще, что в этом типично крестьянском уездном земстве, где совсем нет дворянства, сельское население с такой любовью и сочувствием относится к народной школе, что не считает обременительным для себя единовременно расходовать от 3 до 5 тысяч рублей на сооружение школьных зданий.

Указывая на такой поразительный успех народного образования в Бердянском уезде, необходимо добавить, что и борьба этого уездного земства с крайне неумелою и бестактной местной учебной администрацией также по-своему необыкновенна. И если бы не эта борьба, успехи бердянского земства по народному образованию были бы еще полнее и обширнее. Образцово обставив, например, свои народные школы в материальном отношении, бердянское земство еще в 1877 году возбудило ходатайство об обращении 23 одноклассных земских училищ в двуклассные, с предоставлением им полного содержания от земства.

Мы остановились на успехах школьного дела в Бердянском уезде потому, что этот факт имеет непосредственное отношение к вопросу о заслугах барона Н. А. Корфа в области народного образования. Лицо, стоявшее в то время во главе бердянского уездного земства, председатель управы А. П. Товбич, единственный крупный землевладелец в уезде и человек высокопросвещенный, очень серьезно и искренно отнесся к начинаниям барона Корфа в Александровском уезде.

Почтенный Товбич одним из первых вступил с ним в деятельную переписку. Результатом этих отношений было то, что уже в 1873 году, обозревая школы Бердянского уезда, барон Корф мог убедиться в разумной и прочной постановке народного образования. Точно так же и в последующей своей деятельности, не исключая даже и периода борьбы, А. П. Товбич был стойко верен тем разумным началам, которые он воспринял от барона Корфа и путем переписки с ним, и посредством личных сношений, и из его журнальных статей. В этом именно и

заключается тайна образцового успеха бердянского земства в области народного образования.

Вообще, нужно заметить, что мимолетные, так сказать, труды барона Корфа в Мариупольском уезде как руководителя съезда учителей и в Бердянском как обозревателя школ произвели большую сенсацию во всех земских губерниях. Польза от непосредственного воздействия барона Корфа на народных учителей была очевидна. Его глубокое знание быта народной школы и учителей позволяло ему быстро ориентироваться в каждой новой местности и отвечать на самые животрепещущие школьные нужды. Его горячность и любовь к делу, выдающаяся педагогическая даровитость вдохновляли и увлекали учителей, пробуждали в них любовь и уважение к своей скромной деятельности и заставляли их деятельно работать над собственным самоусовершенствованием, тратя на это последние свои средства. В хрониках земского школьного дела сотнями отмечены факты, что учителя не только посредственные, но даже и слабые, недоучившиеся, под личным влиянием барона Корфа делали поразительные успехи как в отношении общего образования, так и педагогической подготовки. Эти плохенькие, едва терпимые учителя, которым нехотя платили первоначально по 50—60 рублей в год, так выдвигались впоследствии успехами своих школ, что достигали наивысших окладов сельских учителей, т. е. до 400 рублей в год и более. Нужно ли говорить, чем был барон Корф для таких учителей и как безгранично признательна их память о нем?..

Под влиянием примеров мариупольского и бердянского земств явилось, можно сказать, повсеместное желание заполучить барона Корфа или для ревизии школ, или для руководства учительскими съездами. Мы положительно затрудняемся назвать такую из земских губерний, в одном или нескольких уездах которой не возбуждалось бы вопроса о приглашении барона Корфа в той или другой почетной педагогической роли. Можно с уверенностью сказать, что его ожидала совершенно своеобразная деятельность – роль кочующего руководителя и контролера в деле народного образования в России. Пример Бердянского уезда доказывает, какую громадную пользу мог бы принести барон Корф в этой новой и очень важной роли на пользу всего государства. Но обстоятельства, однако, помешали осуществиться этому благому делу. Вслед за уставом 1874 года о народных училищах были опубликованы «Правила» министерства народного просвещения об учительских курсах. Хотя «Правила» эти вовсе не отменяли существования съездов, – которые, как увидим ниже, благополучно продолжались впоследствии и

продолжаются поныне, – но, тем не менее, одностороннее истолкование и применение местной учебной администрацией этих «Правил» повело к тому, что, начиная с 1874 года, съездов не стали разрешать, предлагая заменять их курсами, тогда как функции тех и других между собой существенно различны. До исхода 70-х годов все попытки земства восстановить значение учительских съездов в прежнем их виде, главное же – иметь руководителями съездов не народных инспекторов и директоров как местных администраторов школьного дела, а в полном смысле специалистов-педагогов, как барон Корф, Бунаков, барон Косинский и другие, – не имели никакого успеха.

Вследствие этого барону Корфу пришлось временно быть оторванным от непосредственного участия в ходе народного образования и воздействовать на него из-за границы путем публикаций в печати, как это известно уже читателям.

Бодрым, исполненным того же огня, который согревал его раньше, возвратился барон Корф в 1880 году из-за границы. Он не разочаровался в своем увлечении делом народного образования, в своем служении ему. В этом отношении заслуживает, между прочим, внимания следующий факт. Выпуская седьмое издание своего «Руководства к обучению грамоте», он посвятил его старшей дочери своей, Екатерине Николаевне, по мужу Бонтыш, в следующем характерном обращении к ней:

> «Дорогой друг! Мы были уже друзьями в то время, когда, пятнадцать лет тому назад, я обучил тебя грамоте по этой книге, в то время еще не печатанной. Прими же ее от меня теперь, когда у тебя уже есть сын, которого дай Бог тебе воспитать так, чтобы он, достигнув высшего образования, вопрос о распространении грамотности в народе всегда принимал близко к сердцу, не на словах, а на деле. Автор».

При такой направленности барона Корфа нисколько не удивительно, что, едва успев возвратиться в Россию, летом того же 1880 года он предпринял совершенно новое и очень важное дело для народного образования. Он задался вопросом: насколько прочно образование, даваемое учащимся в «новой земской школе», т. е. разумно организованной народной школе? С этою целью он сам лично произвел экзамены в шести различных селениях Мариупольского и Александровского уездов Екатеринославской губернии тремстам пятидесяти взрослым крестьянам из окончивших курс при первых выпусках народных школ, т. е. около 14 лет тому назад. Довольно характерная подробность, что для производства этого испытания, конечно, по

доброй воле крестьян, барону Корфу пришлось просить разрешения у начальства Екатеринославской губернии, ссылаясь притом вовсе не на свою педагогическую известность и славную деятельность в этой же губернии, а только на звание «действительного члена екатеринославского губернского статистического комитета». Одновременно с бароном Корфом, по его просьбе и программе, произвела подобный же опыт известная деятельница по народному образованию графиня П. С. Уварова, состоявшая с бароном Корфом в давней и деятельной переписке, в ряде школ Смоленской, Владимирской и Московской губерний. То же было сделано в Таврической губернии К. В. Ковалевским, человеком образованным, занимавшим пост помощника предводителя дворянства. Всего в пяти губерниях было испытано около 500 взрослых крестьян, учившихся лишь три зимы и затем вполне предоставленных себе, в громадном большинстве случаев даже без всякой помощи библиотек и какой-либо другой посторонней поддержки в деле образования. На основании этих данных барон Корф пришел к заключению, что «ходячее мнение о том, будто бы наши школьники весьма скоро вполне разучиваются, должно замолкнуть навсегда как несоответствующее действительности».

Конечно, этот вывод касается лишь разумно организованных школ, с приохочивающею постановкой обучения, приучающей к самостоятельности. Общим оказывается правило, что чем лучше ведется обучение в школе, чем более она привлекает учащихся, тем прочнее удерживаются у них внедряемые школою знания даже в деталях. Тем не менее, произведенная проверка воочию убедила барона Корфа в невозможности ограничиться в образовании сельского населения только тем, что может дать постоянная народная школа в три учебные зимы. И он принялся горячо ратовать в печати за необходимость повсеместного учреждения у нас, в России, воскресных «повторительных» школ ради большего углубления и упрочения познаний, сообщаемых регулярной народной школой, а также и некоторого расширения их применительно к уровню развития, возрасту учащихся и потребностям жизни.

В высшей степени остроумно и просто задумал барон Корф «повторительные» свои школы. Для осуществления их необходимо пользоваться наличными народными школами в селах, наличным же педагогическим сельским персоналом. На занятия в такой школе полагается около трех часов по воскресным дням, всего 20 воскресных учебных дней в течение зимы. Плата за занятия в школе:—по два рубля за учебный день, всего 40 рублей за весь зимний повторный учебный курс, при

крайне ограниченном расходе на учебные пособия. Польза же от этих школ – громадная. Молодой человек в возрасте около 20 лет, пройдя «повторительную» школу, т. е. затратив всего около 60 учебных часов в зиму, получает уверенность и устойчивость в приобретенных им раньше знаниях, навсегда уже овладеет ими, а главное – знания эти получат совсем новое для него освещение, войдут в стройную систему и тесную, органическую между собою связь, чего никак нельзя добиться в том раннем возрасте, в котором учащиеся расстаются с народной школою (т. е. около 10—12 лет). Тут уже появляется такое сознательное отношение к делу, какого не может быть даже у самых способных и ретивых школьников в раннюю пору за недостатком умственной и нравственной зрелости, трезвого понимания условий и требований жизни.

Имея обыкновение от слова переходить к делу, барон Корф устроил у себя на родине две воскресные «повторительные» школы для взрослых. На основании ранее произведенных испытаний лиц, окончивших курс в народной школе, и практики вновь открытых им школ он выпустил дешевое (50 коп.), но очень остроумное руководство под заглавием «Руководитель для воскресных повторительных школ». Эта небольшая книжка обнимает собою программы, конспекты, методические указания и домашние работы для всех уроков в течение учебного года и по всем предметам. Оставаясь в пределах программы народной школы, придерживаясь общепринятых учебников и руководств, барон Корф с глубоким знанием дела указывает в своем «Руководителе» пути и средства к полной переработке всего учебного материала народной школы во всех деталях ее программы, придерживаясь при этом преимущественно синтетического, дедуктивного метода вместо аналитического, индуктивного, обязательного при первоначальном обучении.

Нужно заметить, что горячая пропаганда барона Корфа в пользу упрочения и освежения уровня элементарных познаний взрослого крестьянского населения на несколько лет опередила подобную же пропаганду в скандинавских государствах. Но там это движение вскоре вылилось в форму учреждения даже особых университетов для крестьянского юношества, так талантливо описанных профессором математики в стокгольмском университете С. Ковалевской (ныне умершей) в одном из наших журналов. Швеция и Норвегия успели уже покрыться густою сетью этих университетов, в которых крестьянское юношество с элементарной школьной подготовкой на пороге вступления в жизнь и перехода к самостоятельной деятельности освежает и дополняет свои познания. Эти университеты, не

предоставляющие никаких прав, дают своим питомцам такую обширную подготовку в области наук гуманитарных, политических и общественных, какой не могут похвалиться и молодые люди, оканчивающие курс в наших средних учебных заведениях. Швеция и Норвегия вполне справедливо гордятся своими крестьянскими университетами и достигаемыми ими поразительно благоприятными результатами в практической жизни. Прочно, широко образованное крестьянство (скандинавские государства, как известно, преимущественно крестьянские страны, как и Россия) оказывается самым надежным насадителем и блюстителем всяческого порядка, благоустройства в жизни и всестороннего культурного преуспевания. При этом с несомненной ясностью определился глубоко назидательный для нас, русских, факт. Чем шире и глубже образование новых и новых крестьянских поколений, проходящих через специальные университеты для них, тем крепче держатся они земли. Обладая вполне развитым и прочно установленным человеческим сознанием и достоинством, крестьянство с университетскою подготовкой гордится своей трудовой независимостью и ведет сельское хозяйство с беспримерной производительностью, обеспечивая себе вполне приличное культурное существование при таких скромных размерах хозяйства, при которых в других странах терпят нередко большие лишения и даже голод.

Короче говоря, Швеция и Норвегия внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только в историю мирового народного образования, но даже и в историю культуры человечества. Они нашли ключ, разгадку к обеспечению прочного, мирного, прогрессивного развития и систематического материального улучшений массы населения путем жизненной ее самодеятельности. Ввиду этого все пропетое скандинавских крестьянских университетов есть беспрерывное развитие и усовершенствование их, при энергическом содействии правительства, местных общин и частных лиц. Скандинавы давно убедились уже воочию, что такого рода деятельностью они завоевывают себе самое завидное, славное и прочное будущее как образованнейший народ, занимающий самое почетное место по уровню народного благосостояния, культурности и цивилизованности, быстро и беспрепятственно распространяющихся до самых отдаленных провинциальных глубин. Эти же последние достигли уже столь высокого умственного и нравственного роста, что в них совершенно не может быть того, что называется «провинциальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельского населения, в каких бы окраинных дебрях оно ни обитало.

К этой именно великой и благой цели стремился и барон Н. А. Корф в своей пропаганде «повторительных» школ, с целью освежения, упрочения и некоторого пополнения знаний взрослого населения, прошедшего уже народную школу или дома подучившегося грамоте и кое-чему из предметов элементарного курса. Но у нас, к несчастью, столь необходимое дополнение к курсу народной школы все еще остается, можно сказать, в области мечты, желаний и ожиданий, если не считать нескольких единичных «повторительных» школ, остающихся как бы в виде памятника творческой самодеятельности барона Н. А. Корфа на поприще народного образования.

Ратуя в печати за «повторительные» воскресные школы («Воскресная школа», «Повторительные школы для учащихся» и «Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян»), барон Корф еще раз выступил с горячими статьями в пользу обязательного обучения грамоте всего подрастающего поколения при помощи домашних крестьянских школок грамоты, но с принятием, однако, мер, чтобы эта маленькая ступенька первоначального обучения не сходила *на нет,* не обращалась бы в рецидив безграмотности. Указанные его статьи, напечатанные в разных повременных изданиях, вместе со статьями, появившимися в свет во время пребывания за границей, а также и некоторыми позднейшими, – составили книгу «Наши педагогические вопросы», о которой было уже упомянуто выше. Эта книга, с одной стороны, заключает в себе дельный разбор указанных выше односторонних увлечений учебной администрации, которые так или иначе тормозили правильное развитие дела народного образования и более или менее мешали должному прогрессивному его росту, соответственно запросу времени и стремлениям местного общества. Вместе с тем в этой книге имеются драгоценные советы и указания, в каком направлении должна развиваться деятельность общественных учреждений и частных лиц, чтобы наконец мы могли добиться поголовной грамотности всего подрастающего школьного населения, разумной постановки народной школы и мало-мальски сносных познаний в среде взрослого сельского населения. «Наши педагогические вопросы», вышедшие в свет в 1882 году, в связи с двумя другими, известными уже нам книгами «Русская начальная школа» и «Наше школьное дело» обнимают собою всю историю русской народной школы, со всеми ее светлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами, с самого первого момента зарождения разумной и регулярной народной школы, т. е. на протяжении 17 первых лет жизни ее на русской почве. Если к этому прибавить еще и

некоторые его брошюры, можно без преувеличения сказать, что один барон Корф сделал на пользу разъяснения потребностей и нужд русского народного образования, бытовых его обстоятельств и условий и отношения к нему законодательства несравненно больше, чем было сделано с этой целью в указанный период во всей русской печати. Он один вел это дело мужественно, стойко, наперекор всевозможным невзгодам, с непоколебимой верою в его успех.

И успех был несомненным. Барон Корф высоко держал знамя народного образования; голос его раздавался на всю Россию – и дело народного образования неуклонно развивалось во всевозможных направлениях. В начале 80-х годов заметно ослабели те препятствия, с которыми приходилось бороться на местах ранее. Так, в 1881 году после долгого перерыва был разрешен съезд земских народных учителей Херсонской губернии, который и состоялся в июле того же года, под руководством барона Н. А. Корфа, в Херсоне. Это был не просто учительский съезд, но, как справедливо назвали его в свое время, «праздник тружеников народного образования». Съезд этот своевременно был описан бароном Корфом в «Русской мысли». Эта статья, уже в более полном виде, вошла затем в «Наши педагогические вопросы».

Херсонская губернская земская управа пригласила на съезд только 70 человек; но имя барона Корфа привлекло к участию в съезде до 250 учителей и учительниц, в том числе из шести следующих губерний: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской. Наплыв посторонней публики был так велик, что ее допускали на съезд только по билетам. Деятельность съезда отличалась замечательной производительностью, как в этом может убедиться каждый, обратившись к описанию барона Корфа. Два часа в день отводилось ежедневно на образцовые уроки, даваемые учителями и учительницами; один час – на лекцию барона Корфа как руководителя курсов об антропологических основаниях, рекомендуемых на съезде приемов обучения; один час ежедневно уделялся обсуждению вопросов, поставленных на очередь членами и руководителем. Прения по поводу образцовых уроков происходили вслед за окончанием их.

Этот съезд народных учителей, помимо его многолюдства и замечательной деловитости, имел еще следующую очень характерную и важную особенность. Согласно программе, представленной бароном Корфом, министр народного просвещения разрешил, независимо от дневных, деловых, занятий съезда, еще и вечерние собрания членов его с целью развлечения.

На эти собрания посторонние лица не допускались. Начинались они в шесть с половиной часов вечера с чтения протоколов и затем превращались в литературно-музыкальные и танцевальные вечера, продолжавшиеся до девяти часов вечера. Почетными посетителями были представители губернской земской управы, местные директор и инспектор народных училищ. Это разумное, находчивое отступление от общего шаблона съездов придало херсонскому съезду такое оживление, простоту и задушевность, какими не может похвалиться никакой другой съезд.

Из постановлений съезда заслуживает особенного внимания ходатайство его «о созыве кратковременных периодических съездов учителей и учительниц для обсуждения нужд школы и учителя». У нас, к сожалению, до сих пор еще крайне редко созываются съезды учителей; но вот как это дело было поставлено в Пруссии двадцать лет тому назад. Известный немецкий педагог Любен в своем «Педагогическом ежегоднике» пишет в 1871 году по поводу съездов:

> «Существующая организация, в силу которой учителя каждого прихода съезжаются ежемесячно, учителя каждого округа – всякие три месяца, и учителя более обширного округа (уезда), в который соединены отдельные округа, собираются раз в год для того, чтобы взвесить существенные условия быта народной школы с различнейших сторон и споспешествовать отправлению обязанностей их профессии, – везде оказалась достигающей цели. Нельзя также не признать целесообразным и плодотворным самого хода учительских съездов, на которых даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекции и рефераты, где упражняются в хоровом пении и докладывают правительственные сообщения. Такое внутреннее устройство учительских съездов во всяком случае может обновлять и дополнять сведения членов съездов, содействовать к установлению в среде их более правильной и широкой точки зрения на вверенную им важную деятельность, способно довести учителей от знания до умения и сделать последнее плодотворнее».

К этому считаем необходимым добавить, что учебная администрация не только считает «долгом» созыв съездов, но и «настаивает», чтобы в протоколах съездов точно обозначалось, на каком именно основании кто-либо из учителей не присутствовал на съезде, и представил ли отсутствующий «законные» и «уважительные объяснения».

Ввиду вышеназванных трудов и заслуг барона Н. А. Корфа невольно возникает вопрос: каким образом такой крупный, выдающийся и даровитый общественный деятель мог оставаться не у дел? Мы не говорим о казенной службе, для которой барон Корф был слишком независим; но ведь в больших городах, особенно же таких крупных, как Петербург и Москва, есть общественные должности для заведования и руководства делом народного образования. Казалось бы, кому же, как не барону Корфу, быть руководителем в той или другой столице? Этот вопрос, так сказать, сам собою встал на очередь в глазах всей интеллигентной публики после появления в июльской книжке «Вестника Европы» за 1882 год блестящей статьи барона Корфа под заглавием «Петербургские и московские начальные училища». Около этого же времени умер известный педагог П. Е. Басистов, состоявший при московской городской управе заведующим местными народными училищами. Общественное мнение сразу указало на барона Корфа, и бывший в то время городским головою Б. Чичерин предложил ему баллотироваться на открывшуюся вакансию. Но лишь только стало известно об официальной кандидатуре барона Корфа, две газеты – «Московские ведомости» и «Новое время» – предприняли против него невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой решительно никогда не выпадало в печати на долю кого бы то ни было из общественных деятелей. По адресу ни в чем не повинного барона Корфа посыпались со страниц этих газет отборные, совершенно несправедливые инсинуации и брань, вроде следующих: «безбожник», «враг духовенства», «утилитарист», «немец», «пришлец», «представитель немецкой педагогии», «материалист», «помещик, а не педагог», «неблагонадежный человек», «противник Закона Божия» и прочее, все в этом же роде. Мало того: газетные борзописцы копались в частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали источники его доходов, размеры его литературного заработка, годичный его бюджет – и все перевирали неслыханным образом. Эта бессовестная газетная травля из личной мести производила, однако, впечатление на московских гласных, вызывая в них недоумение, колебание, споры. Вследствие этого барон Корф, вызванный уже в Москву для баллотировки, письмом на имя городского головы отказался от баллотировки, «чтобы не вносить разлада в московское городское общество». Со своей стороны, московский городской голова в письмах от 18 и 27 октября 1882 года выразил «искреннее сожаление по поводу оборота, который приняло дело», и сетование, что «не пришлось действовать вместе».

Какие же, однако, «личные счеты» могли быть у газет, так неистово напавших на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обе газеты, московская и петербургская, принадлежат к тому немногочисленному количеству изданий, в которых не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодовитой журнальной деятельности, хватавшей на десяток других повременных изданий иного разбора. Имеющаяся же в нашем распоряжении переписка проливает особенно яркий свет на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это бесцеремоннейшее смешивание с грязью человека высокой и безупречной репутации и самоотверженной общественной деятельности. Оказывается, например, что московская газета, так бесславившая барона Корфа в 1882 году, лет 20 тому назад первая объявила всей России о славной деятельности народного педагога и справедливо превознесла его превосходные личные качества и дарования. Издатель же петербургской газеты еще в 1868 году, не имея в то время своей газеты, но предприняв другое повременное издание, продолжающее существовать и поныне, писал самые льстивые письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничеством, и до небес превозносил его как замечательного и достойнейшего из русских общественных деятелей. Наконец, то самое лицо (Дьяков), которое так бесцеремонно поносило барона Корфа в петербургской газете и так дерзко копалось в интимной домашней, семейной его жизни, чрезвычайно многим было обязано ему.

Такое удивительное стечение обстоятельств еще более усилило и обострило для барона Корфа горечь неудачи в Москве и, конечно же, увеличило и без того тяжелый гнет «желчных камней», оставленных ему александровскими землевладельцами на память о совместной с ними деятельности. Теперь, как и в пору забаллотировки на александровском съезде землевладельцев, барону Корфу оставалось утешиться тем сочувствием, которое проявляла к нему вся благоразумная часть печати и общества. Впрочем, на этот раз барону Корфу дано было и публичное удовлетворение. На заседании московской думы 26 октября 1882 года было прочитано письмо известного русского общественного деятеля А. И. Кошелева, в котором говорится:

> «Зная барона Корфа лично, зная его издания и сочинения, я остаюсь при прежнем своем мнении, что он – человек отменно благонамеренный, горячо преданный делу народного образования, много для него потрудившийся, строго нравственный, истинно земский

и искренний православный христианин».

Сам же барон Корф, печатно отвечая на инсинуации и клевету по его адресу, между прочим говорит в заключение своей спокойной статьи, написанной по обыкновению с большим тактом и достоинством:

> «Я всегда был и всегда останусь на стороне религиозно-нравственной *развивающей* школы, так как желаю людей, *сознательно* преданных учению Христову, *сознательно* относящихся к себе самим, своему ближнему и к Божьему миру и *сознательно* любящих Христа, благословившего детей не как жертву тьмы, а как мысль с безбрежной широтой, которой принадлежит будущее и по сравнению с которою мы, люди, уже пожившие или отживающие, представляем лишь ограниченное дело. Если вы любите школы, то любите молодежь: это – будущее России».

Московский эпизод из-за бесчинства двух газет был, без сомнения, очень тяжелым для барона Корфа. Но, судя по наружному виду, по размаху деятельности, в нем не заметно было никакой перемены. В 1883 году деятельность его отличалась такой же энергией и разнообразием, как и в предшествовавшие годы. В этом году, отвечая на текущую сельскохозяйственную «злобу» всего юга России, он выпустил в свет «чтение для народа» под заглавием «Хлебный жук» (кузька). Эта маленькая 10-копеечная брошюрка, написанная с большим знанием дела и замечательной ясностью, общепонятным языком, может служить образцом, какими должны быть «чтения для народа». В июне 1883 года он руководил учительским съездом в Бердянском уезде с тем же жаром, увлечением и вниманием к учителям, как и в Херсоне. В сентябре того же года он был избран почетным попечителем «Гнединского ремесленного училища», основанного известным уже нам Т. Гнединым в своем имении на собственные средства. Барону Н. А. Корфу пришлось много поработать пером, помогая учредителю училища в борьбе с самыми невероятными препятствиями, затянувшими открытие этого заведения на *четырнадцать* лет, тогда как на одну постройку училищного здания было затрачено учредителем его около 35 тысяч рублей. Бодрым, оживленным присутствовал барон Корф на торжестве открытия училища. Блестящая речь, сказанная им при этом, была полна надеждами на лучшее будущее, дышала юношеским увлечением и огнем. Но это было, можно сказать, последней вспышкой угасавшей уже энергической его натуры. 13 ноября

1883 года он умер там же, где и родился, т. е. в Харькове, на руках любимой супруги, *«от окончательного истощения жизненных сил»,* как определили врачи причину его смерти. 15 ноября состоялось погребение, при громадном стечении высшей и низшей учащей и учащейся братии, торжественно воздавшей последний долг почившему славному подвижнику на поприще общественной деятельности вообще и народного образования в особенности.

Глава X. Заключение

И по характеру, и по условиям деятельности барон Н. А. Корф занимает совершенно особенное положение в ряду всех других русских общественных деятелей. Он представляет собою глубоко поучительный пример, как надо понимать нравственные обязанности привилегированных людей в отношении *трудового населения,* как много может сделать человек на пользу общую одним личным своим почином и самодеятельностью, если он вооружен как следует образованием, если он стоит на высоте понимания долга, чести, обязанностей и прав, если он верен своему призванию и стремлению.

На людей, как лично знавших барона Корфа, так и знакомых с ним по результатам его деятельности, он производит впечатление очень сложной натуры. Действительно, в нем мы видим замечательно типично выраженную живость, подвижность и впечатлительность французской натуры в соединении с чисто немецкою точностью, исполнительностью и методичностью в работе, с придачей притом чистокровной английской настойчивости, твердости характера, непоколебимости. Это результат того обширного разностороннего образования, которое барон Корф во всю свою жизнь деятельно черпал непосредственно из литератур трех названных культурнейших народов. Это, однако, не помешало ему быть русским до мозга костей, но только русским в лучшем, культурном смысле слова, т. е. передовым русским человеком, руководителем и борцом.

Мало сказать о бароне Корфе, что он был «истинно земским» человеком: как человек широко образованный, глубоко понимавший общественные и государственные пользы и нужды, он был народником самой «чистой воды» и «высокой пробы». Барин по привычкам и воспитанию, человек утонченнейших изящных манер и вкуса, он не только посвятил всю свою жизнь заботам и думам о мужике, мужицком житье-бытье, мужицких интересах, но и большую часть своей славной 17-летней общественной деятельности провел непосредственно в крестьянской среде, в прямом общении с подрастающим и взрослым крестьянством, неустанно работая на пользу умственного и нравственного освобождения его. В книге своей «Наши школьные вопросы», в статье «Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян» он приводит следующее стихотворение «Родина», принадлежащее 23-летнему крестьянину Московской губернии:

«Вся полна суровости
Жизнь в тебе, родной!
Дышит все глубокою
Скорбью и тоской:
Воет непогодушка,
Стонет темный лес,
Редко греет солнышко
С сумрачных небес.
В воздухе туманные
Ходят облака;
Спит, морозом скована,
Быстрая река.
Часто ночь без месяца,
Тусклый, серый день,
Жалкие, печальные
Хаты деревень.
Жмет морозом, холодно…
Стынет кровь в груди…
Ждет ли тебя, родина,
Счастье впереди?..
Заблестит ли солнышко
С выси голубой?
И пройдет ли ноченька
С тьмою вековой?!»

От этой-то «тьмы вековой» и силился избавить барон Корф свою родину и родной народ, работая на их пользу бескорыстно, с самозабвением, с необычайным патриотическим увлечением. Общественная деятельность барона Корфа, считая со времени освобождения крестьян, продолжалась около 20 лет; но специальное, беспрерывное его служение делу народного образования продолжалось лишь около 17 лет, в том числе только пять лет в роли непосредственного земского деятеля; остальные же 12 – оставаясь не у дел, но, тем не менее, всегда заваленный спешным делом, всегда с волнением, заботами и думами из-за великого и насущного государственного дела – народного образования; всегда, наконец, с массой крупных и мелких неприятностей из-за этого же дорогого, поистине беззаветно любимого им дела. В этот-то 17-летний промежуток времени из-под пера барона Корфа вышло: *восемь* разного рода учебных пособий и руководств по начальному обучению, считая в том числе и классическую в своем роде книгу для народной сельской школы «Наш друг»; *шесть* брошюр и книг, имеющих

серьезное общественное значение в школьном отношении. Сюда не входят еще «Посмертные записки» барона Корфа и довольно значительный ряд его статей, не имеющих непосредственного отношения к народному образованию и поэтому не вошедших в 14 его изданий, указанных нами и охарактеризованных выше.

Уже сама по себе эта литературная деятельность поражает своими размерами. К этому нужно прибавить еще очень большой, сложный и разнообразный труд, который выпадал на долю барона Корфа при непосредственном его участии в деле народного образования то в качестве народного учителя, то в роли экзаменатора и ревизора, то в роли туриста-обозревателя разного рода школ, то в роли руководителя учительских съездов. Нужно слишком любить дело, быть слишком преданным ему, чтобы проявить такую изумительную деятельность, оставаясь притом в роли частного лица. Как говорит сам барон Корф в своих «Записках», он остался до конца дней своих с тем же «чином титулярного советника», с каким был выпущен из лицея; товарищи же его по лицею достигли за это время высоких иерархических степеней, больших чинов и наград. Зато он создал большое и бессмертное в государственном отношении дело — разумную русскую народную школу и блестяще вписал свое имя на страницах нашего народного образования на вечные времена. Но, к несчастью, по обстоятельствам и условиям, при которых выпало барону Корфу работать, мало было только любви и преданности делу народного образования, а нужно было еще беспрерывно болеть и гореть душою за это дело, без устали бороться и бороться за него то с тьмою захолустного невежества, то с разного рода противодействиями. Это был человек, отмеченный яркой, пламенной искрою *Божеского огня,* который мог бы совершить великие и славные дела на пользу человечества, далеко шире той сферы, в которой суждено было ему работать. Но, к несчастью, те крайне ненормальные условия, в которых и при которых ему довелось все время работать, преждевременно привели его к полному «истощению жизненных сил», к смерти всего лишь на 50-м году от рождения, несмотря на его строгий и умеренный образ жизни. Смерть эту с полною справедливостью можно назвать *сиротством* русской народной школы, как это удачно выражено в речи, произнесенной одною из учительниц народной школы на кладбище при погребении Н. А. Корфа:

> «Велика та скорбь, которую вносит в семью смерть любимого человека! Но бывает смерть, которая разливает скорбь, переходящую за пределы семьи и

охватывающую всех, кто был знаком с нравственным обликом покойного, на ком деятельность его отразилась лучом света и тепла. Такую скорбь вносит в душу нашу смерть Николая Александровича. Создатель и сберегатель новой русской народной школы, он всю жизнь посвятил ей; и всякий, кто сочувствовал делу народного образования, находил в нем нравственную поддержку, дружеский совет, слово ободрения.

Полный любви к людям и веры в лучшее будущее, он согревал этою любовью, вносил эту веру в сердца всех, кому приходилось встречаться с ним. И мы, собравшиеся здесь учительницы народной школы, мы, которых он считал своими друзьями, как считал своим другом каждого, кто работал с ним на одном поприще, – мы не можем не вспоминать при этом последнем нерадостном свидании нашем, каким любящим наставником и другом он был для нас при каждом свидании, как умел пробуждать новые силы на дальнейший труд. И на нашу же долю выпало горькое утешение приветствовать его в последний раз среди нашего кружка, проводить его в последний далекий путь, с которого он уже не вернется к нам, не скажет нам своего дружеского, ободряющего слова. Но как драгоценное наследие он оставил нам свое завещание: высоко держать знамя народного образования, – знамя, на котором начертано: *любовь к людям, труду и вера в благотворные результаты этого святого труда.* Завещание не длинное, но полное глубокого смысла, и мы сохраним этот завет! Прощай же, дорогой учитель наш, учитель русского народа! За свет, который ты вносил в нашу жизнь, пусть память твоя будет окружена ореолом света до тех пор, пока существует народная школа, пока любовь к людям и вера в добро и правду будут находить отголосок в наших сердцах».

Как велико для нас значение потери в лице барона Н. А. Корфа, «оберегателя» русской народной школы, это мы продолжаем чувствовать до настоящего времени… Пока был жив барон Корф, несравненно чище, яснее была самая идея народного образования, выше было общественное внимание к нему и несравненно энергичнее самый ход деятельности. Именно со времени смерти этого великого, беспримерно энергического общественного работника и ведут свое начало те кривотолки и извращения в области народного образования, на которые

указано в начале этого очерка и за которые в пору деятельности барона Корфа прямо-таки *краснели,* стыдясь даже высказывать их вслух, а тем более – в печатной форме. Сильно же, значит, должно было засориться наше общественное сознание со времени смерти барона Н. А. Корфа, если дерзость доходит даже до того, что в печатной форме возводится чуть не в идеал та самая «самобытная» народная русская школа, ради избавления России от которой барон Корф работал с таким самозабвением и самоотвержением.

Источники

1. Записки педагога барона Николая Александровича Корфа. – «Русская старина», кн. 3, 4 и 5; 1884.

2. *1000 писем.* Переписка барона Корфа с 250 лицами.

3. *Кашин.* Поездка к барону Н. А. Корфу. – «Современная летопись», №№1, 2; 1871.

4. *Д. Д. Семенов.* Педагогические очерки школ Александровского уезда. – «Народная школа» (1871—1872).

5. *Д. Т. Гнедин.* Мои воспоминания. – «Русское богатство», кн. 5, 6 и 7; 1893.